

Завещание

Пьеса.

(немножко смешная, немножко грустная и чуть-чуть романтическая)

Действующие лица:

Джулия Макмиланд – хозяйка (45 лет)

Одри – ее дочь (20 лет)

Тони – брат Одри (23 года)

Магда – домработница (32 года)

Клиффорд – бомж (где-то 35 лет)

Мистер Цимерман – нотариус (50 лет)

Дом семьи Макмиландов. Гостиная. Домработница Магда, напевая любимую мелодию, наводит порядок: протирает пыль, поправляет на столе скатерть, расставляет в нужном порядке стулья, и так далее. Тяжело вздыхает, скептически оглядывает помещение, не пропустила ли она какой-либо беспорядок, отбрасывает тряпку и вальяжно плюхается в кресло.

МАГДА. Ух, утомилась. Надо немножко отдохнуть. Зря я, все-таки, вчера так набралась. Конечно, замужество подруги – дело святое, однако последний фужер с водкой был явно лишний. Хорошо еще, что в доме витает атмосфера траура, и хозяйке, с ее отпрысками, не до того, иначе искала бы я уже себе другую работу. Точно не помню, но, похожему, со свадьбы я вернулась не одна, а в сопровождении; и сопровождение это было явно мужским. Вряд ли существо какого-нибудь другого пола могло бы доставить мое бесчувственное, иногда приходящее в сознание тело к месту обитания. Интересно, что я наговорила спяну? Наверняка прошлась по каждому члену семейки! Промыла косточки всем, включая и бедного Джонатана. Однако утром никто и вида не подал; как будто ничего и не было. Даже, как-то, и неинтересно...

В принципе, Макмиланды неплохие. Со своими плюсами и минусами. Со своими тараканами в голове... В общем, обыкновенное семейство.

Одри – ранимая, романтическая натура, в постоянном поиске своего принца. Любопытно, в этом городишке остался еще какой-нибудь, более-менее, так сказать, мужчина, в прямом смысле слова, не посетивший ее спальню? Девчонка просто бьет все рекорды! И это не смотря на ее неполные двадцать лет.

Тони – вполне заурядный молодой человек, немного старше своей сестры, и значительно глупее ее. Тут все закономерно. Я где-то читала, что мужчина догоняет женщину в умственном развитии примерно годам к семидесяти. Так что у мальчика еще уйма времени, наслаждаться жизнью и быть счастливым в неведении собственной отсталости.

Джулия – обыкновенная сорокапятилетняя особа, в меру своих сил держащая в руках дом и хозяйство. В меру вспыльчива, как каждая дама такого почтенного критического возраста, и в меру амбициозна, что является признаком стабильности и надежности в каждой благополучной семье. Являлось... до последнего времени...

Самой яркой личностью семейства Макмиландов был ее глава – Джонатан. Добрейшей души человек! Что бы кому-то отказать в помощи – никогда! Казалось, для полного образа этого святого человека не хватает лишь нимба, чтобы каждый мог не только использовать его в тех или иных корыстных низменных целях, но, и, вспоминая иногда о

своей грешной душе, иметь возможность опуститься перед ним на колени, воздеть руки к его светлому лику, и молиться... Авось что-то бы, да вымолилось!..

Но вот он, сарказм судьбы! Джонатан Макмиланд скоропостижно скончался.

Безутешная вдова и скорбящие дети сейчас на похоронах.

Видели б вы, как все они торопились побыстрее отпеть и официально определить на тот свет любимого мужа и уважаемого отца! И этому есть вполне логическое объяснение.

Дело в том, что усопший, любивший при жизни частенько пошутить, не смог отказать себе в удовольствии насладиться и в вопросе последнего желания, зафиксированного на запечатанном конверте с нотариально оформленным уже завещанием.

Суть написанных твердым подчерком смеющихся танцующих строк не то, что бы странная, скорее неожиданная. И в первую очередь, для наследников.

Они-то мысленно начали делить наследство уже где-то через полчаса, как узнали о постигшей семейство тяжелой утрате. А делить там было что. А спустя еще час, все трое, вся, так сказать, здравствующая семейка, потому как больше претендентов на наследство ни с каких сторон не наблюдалось, уже спорили, что кому достанется. Но тут пришел нотариус и несколько охладил их пыл. Показал запечатанный конверт с завещанием, на котором было написано: «Вскрыть только после захоронения».

Как они не убеждали нотариуса, что Джонатан просто пошутил, юрист был непреклонен.

В общем-то, по большому счету, ничего страшного не произошло; наследство ведь все равно никуда не денется. Другое дело, что всех распирало любопытство, не оставил ли покойный, помимо всего прочего, что-то еще, о чем никому не было известно. И это его как бы последнее распоряжение только еще больше возбудило всеобщее любопытство. Хотя мне кажется, за этим скрывается что-то совсем другое; что-то неожиданное... Впрочем, какое мое дело!..

Скоро возвратятся с похорон. Надо бы, наверно, поменять скатерть на столе. Что-то эта чересчур уж яркая, не совсем вписывающаяся в общий тон происходящего.

Раздается звонок.

МАГДА. Неужели уже пришли?! Вроде рановато еще! Неужели до такой степени невтерпеж вскрыть завещание?!

Она пошла открывать, по дороге продолжая рассуждать:

МАГДА. Надеюсь, они в спешке не забыли закопать гроб. С них станется! Я уже не говорю о надгробной речи. И потом, почему звонят? Почему не открывают своими ключами?

Домработница скрывается в прихожей, и через какое-то мгновение доносится ее возмущенный голос:

МАГДА. Вы кто такой, мистер? Куда вы?! Послушайте, хозяев нет! Приходите позже!.. Нет, это просто наглость какая-то!.. Остановитесь! Вы испачкаете пол! И вообще, как вы смеете?!

Оба появляются в гостиной. Магда пытается остановить незнакомца, преграждая ему путь, но тот упрямо движется вперед, и домработнице ничего не остается, как отступить, подчиняясь грубой мужской силе.

Незнакомец, в оборванных обносках, грязный, давно нестриженный, без сомнения являлся субъектом, без определенного места жительства. Другими словами – бомж.

НЕЗНАКОМЕЦ. Извините, мэм, за столь бесцеремонное вторжение, но на улице сегодня довольно прохладно, а я, как видите, не совсем тепло одет. Уж очень захотелось поскорее согреться.

МАГДА (понимая, что выпроводить незнакомца не удастся, отходит от него, при этом, не скрывая своего негативного отношения, можно даже сказать, презрения, к его внешнему виду). Здесь не ночлежка. Соболаговолите немедленно покинуть этот дом. В противном случае, я вынуждена буду вызвать полицию.

НЕЗНАКОМЕЦ (с иронией). Эко вы меня напугали! Да полиция, в отличие от вас, не только предоставляет крышу над головой, в виде камеры предварительного заключения, но еще и кормит.

МАГДА (в свою очередь так же иронично). Ах, простите, пожалуйста, что не встретила вас с пирогами! У нас, знаете ли, нищим сегодня не подают. Деликатесы закончились, а кормить столь уважаемого джентльмена, коим вы, несомненно, являетесь, простыми обыкновенными блюдами, было бы, по меньшей мере, с моей стороны неучтиво. Приходите как-нибудь в следующий раз. Только не забудьте одеть галстук. Как-никак, здесь не помойка.

НЕЗНАКОМЕЦ. Да я, как-то, и не рассчитывал на обед. Разве что на кусок хлеба и глоток воды.

МАГДА (с сарказмом). Ага, сейчас! Вот полиция прибудет, она вас и накормит и напоит и спать уложит. Где тут у нас телефон? А, вот! (подходит к телефонному аппарату и снимает трубку). Ну, так как, звонить, или сами уберетесь отсюда по-хорошему?

НЕЗНАКОМЕЦ. Можете, конечно, сдать меня полиции, мэм, однако не думаю, что это будет правильно. Во-первых, я только вчера покинул сие гостеприимное место, а во-вторых, я пришел сюда совсем не случайно. Я должен был сюда прийти. Вернее, не то, чтобы так уж должен, а просто один тип попросил меня именно сегодня посетить с визитом этот дом, и убедил, что это в моих же интересах. Он-то, кстати, и из полицейского участка меня вызволил.

МАГДА (держа в руках телефонную трубку, тем не менее, не торопилась набирать номер). Очень интересно! И по какому же поводу, позвольте спросить, вас попросили зайти к нам?

НЕЗНАКОМЕЦ. А вот это, как раз, мой благодетель и не объяснил. Лишь дал понять, что это будет сюрпризом.

МАГДА (кладя трубку обратно). Боюсь, что вас просто разыграли.

НЕЗНАКОМЕЦ. Да я и сам так думаю. Уж больно подозрительным мне показался тот тип. Хотя, если поразмыслить, залог-то он действительно за меня внес, а иначе, торчать бы мне в катажке еще как минимум два месяца.

МАГДА. Ничего не вижу странного. Обыкновенный богатый слизняк, решил пошутить, и тем самым развеять тоску. У подобного контингента частенько бывают такие моменты, когда они от безделья прямо таки на стенку лезут. И любая шалость, как, например, в вашем случае, для них хоть какое-то развлечение.

НЕЗНАКОМЕЦ. Вполне возможно, что так оно и есть. А значит, мне, наверное, пора уходить. Но с другой стороны, я никуда не спешу. И раз уж судьба затащила меня сюда, почему бы не воспользоваться этим и чуть-чуть не погреться. А заодно, возможно, меня угостят здесь хорошим вином и пообщаются со мной немного, как с человеком, давно уже ни с кем не разговаривающим по душам.

МАГДА. Тебя как звать-то?

НЕЗНАКОМЕЦ. Клиффорд. Клиффорд Спенсер.

МАГДА. Что ж, Клиффорд Спенсер, пожалуй, бокалом хорошего вина я тебя все-таки угошу. А вот насчет разговора по душам, тут уж, извини, не получится. С минуты на минуту могут вернуться хозяева, и я не хочу из-за тебя получить нагоняй. Возвращаются они с такого специфического мероприятия, после которого трудно предугадать, в каком расположении духа будет находиться тот или иной из них. Так что, лучше не рисковать. И к тебе, Клиффорд Спенсер, это относится в первую очередь. Мне-то что, в принципе, грозит! В крайнем случае – увольнение. Подумаешь, проблема! А вот тебя могут не просто попросить сию же секунду покинуть дом, а в довольно конкретной форме вышвырнуть отсюда с серьезными физическими травмами. К примеру, когда хозяйку на прошлой неделе на рынке пытался обсчитать предприимчивый продавец, то это обошлось ему синяком под глазом, от пущенного меткой рукой яблока, и переломом ноги, когда несчастный, уклоняясь от летевших в него весов, оступился и неудачно упал. Так что, я сейчас быстренько принесу

вина, ты его так же быстренько выпьешь, и в следующее мгновение просто растворишься, как будто тебя здесь и не было.

КЛИФФОРД. Что ж, вполне современное гостеприимство. Однако пока вы будете ходить за вином, я, с вашего позволения, присяду. Хоть одну минутку отдохну. А то ноги что-то уж совсем не держат. Я ведь добирался сюда пешком, из другого конца города.

Клиффорд сделал шаг в направлении ближайшего кресла.

МАГДА. Стоп! Ни с места! Стой там, где стоишь! Какое еще присесть! От тебя же воняет, как из выгребной ямы! Достаточно того, что мне предстоит полдня проветривать не только гостиную, но и коридор, по которому ты проследовал сюда. Не хватало еще, чтобы ты испортил кресло! После тебя, его можно будет лишь выбросить на свалку. И вообще, ни к чему здесь не прикасайся и ни на что не садись. Я сейчас.

Магда выбегает из гостиной.

КЛИФФОРД (тяжело вздыхает, подходит к зеркалу и смотрится в него). До чего же ты докатился, Клиффорд Спенсер! Только посмотри на себя. Даже не верится, что когда-то на этом лице не исчезала счастливая улыбка; что в этих глазах светилась уверенность и неиссякаемым потоком струилась жажда к жизни... Да, не верится...

Появляется Магда с бокалом вина.

МАГДА (протягивает бокал). Прошу!

КЛИФФОРД (берет бокал и залпом осушает его). Божественный вкус! Благодарю!

МАГДА (забирает у него бокал и отставляет в сторону). А теперь, быстренько отсюда!

Тут из прихожей доносятся отдаленные голоса.

МАГДА. Ну вот, дождались! Хозяева вернулись! То-то сейчас будет!

КЛИФФОРД. И что теперь делать?

МАГДА. Что делать, что делать! (лихорадочно начинает соображать) Давай, прыгай в окно!

КЛИФФОРД (выглядывает в окно, после чего нерешительно почесывает у себя в затылке). Однако, высокогато.

МАГДА. Ничего страшного. Максимум, пару дней похромаешь.

КЛИФФОРД. Как бы шею себе не свернуть! Может, какой-нибудь другой вариант?

МАГДА. Другого варианта нет. Прыгай!

КЛИФФОРД (пребывая в явной растерянности). И все-таки...

МАГДА. Представь, что ты средневековый кавалер, а я – твоя дама сердца; и ты спасаешь мою честь. Ну же!..

КЛИФФОРД. Еще скажи, средневековый рыцарь.

МАГДА. А что, вполне потянешь! Давай, сэр рыцарь, спасай мою честь!

КЛИФФОРД (продолжая выказывать неуверенность). А что, если...

Магда не дает ему возможность выразить очередную отговорку, решительно делает шаг в направлении Клиффорда, и толкает его. Тот, вскрикнув, вываливается из окна. Его ноги на мгновение промелькнули в объективе видимости, и в следующую секунду, снизу, после глухого звука упавшего тела, раздается глухой стон, который красноречиво говорит, что клиент жив, и возможно, даже, вполне здоров.

МАГДА (выглядывает из окна и оценивает обстановку). Нормально, шевелится. О, поднимается! Будет жить! Ты смотри, даже не хромает. Я всегда утверждала, что мужчина – самый живучий биологический вид на Земле. Им бы еще немного ума...

В гостиную заходит Тони.

ТОНИ. Что это ты там высматриваешь, Магда? Уж не любовника ли провожаешь прощальным взглядом? Ты тут вроде с кем-то разговаривала.

МАГДА (отходя от окна и стараясь натянуть на свое лицо выражение полного безразличия). Какой еще любовник! (пожимает плечами) Это я разговаривала сама с собой. Есть у меня такая привычка. А вы, я вижу, уже возвратились. И как все прошло?

ТОНИ. Быстро, скромно, и без лишнего пафоса. Отец, без сомнения, был бы доволен. Ты же знаешь, он не любил чрезмерную показуху.

МАГДА. Наверняка бедный мистер Джонатан наблюдал с небес за своими похоронами, и баз сомнения остался удовлетворен.

ТОНИ. Это уж бесспорно. Есть что-нибудь попить?

МАГДА. Попить или выпить?

ТОНИ. Вообще-то, я просто хотел промочить горло, во рту что-то пересохло, и глоток прохладного морса совсем не помешал бы сейчас, но раз уж ты настаиваешь на более крепком напитке, не буду сопротивляться.

МАГДА (тихо, про себя). Кто бы сомневался (и уже громко спросила). Чем желаете промочить горло вместо морса?

ТОНИ. Чем-нибудь покрепче, на твое усмотрение. Ты же знаешь мой вкус.

МАГДА. Знаю, знаю. Коктейль из всего того, что найдется в баре.

ТОНИ (усаживаясь в кресло). И лимончик не забудь.

МАГДА. Да-да, конечно. Как же без лимона! Без лимона, это не коктейль, а обыкновенная бурда (собирается уходить).

ТОНИ (останавливает ее у выхода из гостиной). Кстати, мне кажется, или в гостиной чем-то воняет?

МАГДА. Да чем здесь может вонять?! Лично я ничего такого не чувствую.

Она отправляется делать коктейль. Сразу же после нее,
в гостиную заходит Джулия.

ДЖУЛИЯ. А чем это здесь так воняет?!

ТОНИ. Ты тоже унюхала, мама? Стало быть, мне не показалось. А то я, признаться, уже подумал, не случилось ли чего с моим восприятием запахов. Обидно было бы, нюхать розу и чувствовать, что вдыхаешь аромат бензина. Так и токсикоманом недолго стать. Хотя (тихо, себе под нос), интересно было бы попробовать, для разнообразия.

ДЖУЛИЯ. Да нет же, я отчетливо улавливаю какой-то препротивный запах! Только, вот, затрудняюсь сказать, что он напоминает. Что-то такое, отчего, просто делается дурно. Фу!..

ТОНИ. А вот Магда, например, ничего такого не чувствует.

ДЖУЛИЯ. Так это, видно, она и виновата. И ведь в жизни не признается! Ох уж мне эта Магда! И все-таки любопытно, откуда взялся этот чарующий аромат?

ТОНИ. Я бы тоже не пожалел вставной челюсти нашей незабвенной бабушки, хранящейся до сих пор в шкапулке с прочими ее безделушками, чтобы узнать это.

В гостиную залетает Одри.

ОДРИ. О чем болтаем?

ТОНИ. Да так, пытаемся разгадать одну загадку. Кстати, ты не улавливаешь своим очаровательным носиком каких-либо посторонних запахов?

ОДРИ (принюхивается). Да, действительно, что-то такое неприятное есть. Откуда это?

ТОНИ. Вот и мы ломаем голову. Очевидно, в наше отсутствие Магда что-то такое делала, отчего вся гостиная провонялась непонятно чем. Сама же Магда скрывает, чем она тут занималась.

ОДРИ. А что тут непонятного?! Все предельно ясно.

ДЖУЛИЯ. И ты можешь объяснить, чем это пахнет?

ОДРИ. Конечно. Ничего нет проще.

ТОНИ. Ну-ну, мы тебя внимательно слушаем.

ОДРИ. Просто наша Магда имеет поклонника. И он-то, как раз, и оставил следы своего пребывания здесь в качестве столь своеобразного запаха.

ДЖУЛИЯ. Но кто же он, в таком случае?

ТОНИ. Да, кто он? Кто так невыносимо благоухает?

ОДРИ. Это обыкновенный бродяга, бездомный, живущий на улице и питающийся тем, что найдет в мусорном баке пищевых отходов.

ДЖУЛИЯ (всплеснув руками). Не может быть!

ТОНИ. Признаться, такой поворот несколько шокирует!

ОДРИ. А по мне, так очень даже романтично! Это как же надо влюбиться, чтобы не обращать внимания на такое незавидное положение своего избранника!

ТОНИ. А может, наша Магда – экстремалка? Предпочитает, так сказать, нестандартные отношения. Вернее, отношения с нестандартными субъектами. Возможно, она от этого получает свою порцию адреналина.

ОДРИ. Я так не думаю. Магда совсем не такой человек. Она обыкновенная женщина, которая хочет своего кусочка счастья. Кто ж виноват, что этот кусочек счастья бродит по помойкам. Сердцу, как говорится, не прикажешь.

ДЖУЛИЯ. Мне кажется, дети мои, вы зашли слишком далеко в своих фантазиях. Чтобы Магда, и с бродягой! Ни за что не поверю.

ТОНИ. А мы у нее сейчас спросим. И пусть попробует, только, увиливать!

Появляется Магда с фужером какой-то мутной жидкости.
Отдает фужер Тони, и собирается, уже было, покинуть гостиную,
однако заданный ей вопрос буквально пригвоздил ее к месту.

ТОНИ. А скажи-ка нам Магда, почему, когда я спросил тебя, не провожаешь ли ты взглядом из окна своего любовника, у тебя не хватило смелости признаться в этом? Ведь это же так, правда?

МАГДА (округлив глаза и с вытянутым от удивления лицом). Что?! Я с любовником?! Здесь?! Кажется, я уже дала вам исчерпывающий ответ по этому поводу.

ОДРИ. Тебе не стоит так волноваться, Магда. Мы совсем не против твоей личной жизни. Это твое личное дело. И если у тебя кто-то есть, он вполне может приходить сюда, к тебе. Нам просто интересно знать, кто он. Чем занимается. Каков его социальный статус. Ведь согласишься, не дай Бог это какой-нибудь мошенник, и что тогда? Не исключено, что он захочет ограбить наш дом. А то и еще хуже! Вдруг окажется, что он убийца! Ты представляешь, что тогда может случиться?

МАГДА. Да что вы такое говорите! Мошенник, убийца! Откуда вы взяли, что у меня вообще кто-то есть? Последние несколько лет, а если точнее, то два с половиной года, я не встречалась ни с одним мужчиной; в том смысле, на который вы намекаете. Вот уже два с половиной года они, то бишь мужчины, для меня, как для женщины, просто не существуют.

ДЖУЛИЯ. Тебя кто-то из них так сильно обидел?

МАГДА. Мне не хотелось бы говорить на эту тему. Прошу вас, не настаивайте. Эта рана еще слишком свежа в моем сердце.

ДЖУЛИЯ. Извини, пожалуйста. Я даже не предполагала... Мы никогда не общались с тобой на эту тему. Разумеется, никто в этом доме не вправе лезть тебе в душу. Нам просто хотелось бы узнать...

МАГДА. Что узнать?

ТОНИ. Кто был здесь, незадолго до нашего возвращения? И не пытайся обманывать. Мы знаем, что к тебе кто-то приходил. Как мама уже сказала, мы не собираемся лезть тебе в душу, просто некоторые обстоятельства заставляют задать тебе этот вопрос.

МАГДА. И какие же это обстоятельства?

ОДРИ. Обстоятельство, вообще-то, только одно: своеобразный специфический запах, который кто-то здесь оставил в наше отсутствие.

МАГДА. Что ж, раз всех вас это так сильно зацепило, и вы не успокоитесь, пока не удовлетворите свое любопытство, не вижу смысла отрицать. Да, вы совершенно правы, этот

запах остался здесь после одного человека. И вы так же правы, что этот человек – мужчина. Но только ко мне он не имеет никакого отношения; так же, как и я к нему. Зовут его Клиффорд Спенсер; во всяком случае, именно так он представился; и попал он в ваш дом благодаря какому-то шутнику, который послал его сюда, ничего толком не объяснив, а лишь подчеркнув, что это в его же интересах.

ОДРИ (задумчиво). Клиффорд Спенсер... Нет, такого имени я раньше никогда не слышала.

ДЖУЛИЯ. И мне оно ни о чем не говорит.

ТОНИ. А мне-то уж, и давно.

МАГДА. Я же вам говорю: над ним просто кто-то подшутил.

ОДРИ. А чем он занимается?

МАГДА. Этого мне выяснить не удалось. Да по большому счету, меня это как-то не особенно и интересовало. По его внешнему виду и по запаху, который он после себя оставил, я сделала общие выводы в отношении данного субъекта, и этого вполне достаточно. Вы, как я понимаю, тоже сделали свои выводы, хотя и не видели его воочию. Вам всем оказалось достаточно всего лишь запаха, чтобы определить род занятий Клиффорда Спенсера.

ДЖУЛИЯ. Ладно, с этим понятно. Вопрос, как говорится, исчерпан. Магда, можешь идти заниматься своими делами.

МАГДА. Да, конечно, миссис Макмиланд. Тем более что у меня куча неглаженного белья.

Домработница поспешно покидает гостиную.

ОДРИ. А я бы, все-таки, хотела увидеть этого Клиффорда Спенсера. Наверняка у него умные глаза и не менее умные речи. Вы заметили, как Магда возбудилась, когда говорила о нем? Если даже она и вправду видела его в первый раз, то это совсем не значит, что он ей не понравился. Наверняка он ее чем-то поразил, кроме, конечно, запаха.

ТОНИ. Ты хочешь увидеть Клиффорда Спенсера? Чего проще! Прошвырнись по помойкам, и очень быстро ты найдешь его, ковыряющегося в одном из мусорных баков.

ОДРИ. Очень остроумно! Ты как всегда, одна любезность.

ТОНИ. Могу даже добавить, что вы совсем неплохо смотрелись бы рядом. Я хоть и не видел Клиффорда Спенсера, однако уверен, он бы прекрасно гармонировал на твоём фоне. Вы бы друг друга дополняли. Аромат твоих любимых духов, от которых меня постоянно тошнит, и его неповторимый запах наверняка происходят из одного источника.

ОДРИ. Еще одно слово, и я запущу в тебя чем-нибудь тяжелым.

ДЖУЛИЯ. Довольно, дети, не ссорьтесь. Лучше скажите, почему нотариуса так долго нет.

ТОНИ. Действительно! Я, как-то, и забыл о нем. Уж не заблудился ли мистер Цимерман? Сам-то он нам, в принципе, не особенно нужен, а вот конвертик с завещанием должен бы лежать уже на этом столе.

ДЖУЛИЯ. И конвертик с завещанием нужен, и мистер Цимерман тоже необходим. Ведь только он уполномочен, и конверт вскрыть, и засвидетельствовать подлинность вложенного в него документа.

ТОНИ. Ах да, совершенно верно. Я не подумал.

ОДРИ (с сарказмом). Это и неудивительно. Разве можно думать тем местом, которое ты называешь своей головой?

ДЖУЛИЯ. Так, всё, прекратили! Давайте еще раз прикинем, что кому причитается.

ТОНИ. Согласен.

ОДРИ. Не возражаю.

ДЖУЛИЯ. Итак. Фабрика отходит Тони. Надеюсь, ты не угробишь ее, мой мальчик. Твой отец вложил в нее всю душу, так что, смотри, не подведи ни его доброго имени, ни репутации нашей семьи; репутации Макмиландов.

ТОНИ. Да все будет нормально, мама! Фабрика переходит в надежные руки, будь уверена.

ДЖУЛИЯ. Вот и хорошо. А еще, Тони, в твое распоряжение поступает автомастерская. Учитывая твою тягу к автомобилям, тут я могу быть тоже спокойна.

ОДРИ. Ну да. Особенно, когда он пьяный садится за руль.

ТОНИ. Во-первых, не пьяный, а слегка выпивший. А во-вторых, в каком бы состоянии алкогольного опьянения я не был, а любого профессионала засуну за пояс.

ДЖУЛИЯ. Нет-нет, Тони. Отныне тебе придется пересмотреть свои привычки, и первым делом это касается алкоголя. Теперь ты уже не просто сын Джонатана Макмиланда, которому позволялось практически все; теперь ты хозяин. Теперь на тебе лежит ответственность не только за часть семейного бизнеса, но и за несколько сотен людей, твоих подчиненных. Времена беззаботной жизни для тебя, мой мальчик, закончились. Ты вступаешь во взрослую жизнь, и будь, пожалуйста, достойным ее.

ОДРИ. И для начала, отставь в сторону недопитый фужер и дай сейчас нам слово, что с данной минуты будешь максимально сдержанным относительно спиртных напитков. А иначе...

ТОНИ. Интересно, и что же иначе?

ОДРИ. А иначе, лишишься фабрики, автомастерской, и отправишься на принудительное лечение. А мы уж с мамой как-нибудь справимся со всем семейным бизнесом. В крайнем случае, найдем парочку управляющих.

ТОНИ (несколько возбужденно). Мама, ты только послушай, что она говорит! От вас в самом деле можно такое ожидать?

ДЖУЛИЯ. Нет, конечно! Успокойся. Одри просто немножко переборщила. Она ведь у нас такая впечатлительная.

ТОНИ. Настолько впечатлительная, что готова упрятать брата в психушку!

ДЖУЛИЯ. Боже, о какой психушке ты говоришь, Тони?!

ТОНИ. О самой настоящей! Как будто я не знаю, что скрывается под понятием «принудительное лечение!»

ДЖУЛИЯ. Нет-нет, она совсем не то имела в виду. Она лишь намекнула, что тебе следует чуть-чуть остепениться. Я уверена, ты справишься с собой. Ты ведь у меня такой умница! Только дай обещание, что возьмешься за ум и отныне станешь вести себя, как настоящий мужчина.

ОДРИ. А не как маменькин сынок, каким ты до сих пор был.

ТОНИ. Кажется, в нашей семье воцарился настоящий матриархат. Осталось еще, чтобы домработница подключилась, и принялась мною командовать, и тогда уже будет полный порядок!

ДЖУЛИЯ. Тони, мальчик мой, ну как ты можешь так рассуждать! Мы ведь любим тебя, и желаем тебе только добра.

ОДРИ. По-моему, мама просила тебя, дать ей обещание.

ТОНИ. Что я брошу пить?

ОДРИ. Что ты начнешь вести себя, как взрослый человек; как мужчина, в конце концов.

ТОНИ (с некоторой иронией). Нет проблем! Даю обещание, стать настоящим Макмиландом! Клянусь быть благоразумным, умеренным в злоупотреблении вредными привычками, не огорчать любимую мамочку, и по возможности не обижать сестренку, потому как в расстроенном состоянии она, как правило, набирает в весе и теряет последние признаки привлекательности... Ну как, годится? Читаю на ваших лицах абсолютное одобрение. И чтобы поставить точку в этом вопросе, закрепим обещание глотком коктейля. Вам не предлагаю, вы и без алкоголя не всегда выражаете трезвые мысли (и он опрокидывает в себя остатки коктейля).

Одри лишь укоризненно кивает, а Джулия просто отмахивается рукой, давая понять, что дальнейшие разговоры с сыном о его поведении бесполезны.

ДЖУЛИЯ. Теперь с тобой Одри. На твою долю приходится магазин и косметический салон. Справишься?

ОДРИ. Без проблем!

ДЖУЛИЯ. Не сомневаюсь.

ТОНИ. Я так понимаю, ресторан остается за тобой, мама.

ДЖУЛИЯ. Ты правильно понимаешь, мой мальчик. Надеюсь, ты не против.

ТОНИ. В общем-то, нет, но...

ДЖУЛИЯ. Тебя что-то смущает?

ОДРИ. Его смущает, что не он будет заправлять рестораном. Ты же знаешь, мама, Тони только и мечтает, чтобы постоянно оттягиваться по полной программе в собственном ресторане. Я уверена, что он сейчас думает, как бы уговорить тебя, пересмотреть распределение нашего семейного бизнеса. Держу пари, что он готов отказаться и от фабрики, и от автомастерской, лишь бы только ему достался ресторан. И ничего в этой жизни ему больше и не надо. В любой момент иметь возможность выпить, и мордой в салат – вот его мечта.

ДЖУЛИЯ. Одри, ты несешь какую-то ахинею. Тони совсем не такой. Правда ведь, мой мальчик?

ТОНИ. Конечно правда, мама. Кого ты слушаешь! Одри всегда на меня злится, потому что постоянно ощущает мое преимущество над ней в интеллектуальном плане.

ОДРИ (саркастически смеется). Ой, я не могу! Тоже мне, интеллектуал! Болван, каких свет не видывал!

ТОНИ. Видишь, мама, как ее это задело! Аж позеленела! Стало быть, я прав. А что касается ресторана, так он мне совершенно безразличен (пытается выглядеть спокойным и не показывать, что как раз ресторан его сейчас больше всего и интересует). Хотя, если ты мне его отдашь, мама, то ни капельки не пожалеешь. Согласись, мама, что по большому счету называть «Пегас» рестораном, как таковым, некоторое преувеличение. Так, среднего уровня забегаловка. А я сделаю из «Пегаса» действительно ресторан международного класса. Места в нем будут бронировать заранее, и даже из-за границы.

ОДРИ (заливаясь смехом). Ха-ха! Ой, я сейчас умру от смеха!

ТОНИ. Я что-то сказал настолько смешное?

ОДРИ. Мама, ну теперь ты понимаешь?

ТОНИ. Что ты должна понять, мама?

ДЖУЛИЯ. Ничего особенного. Не бери в голову.

ТОНИ. И все-таки.

ДЖУЛИЯ. Просто ресторан «Пегас», который ты так любезно обозвал забегаловкой, давно уже имеет международное признание. И предварительные заказы из-за границы поступают регулярно. Так что...

ТОНИ. Так что ресторана мне не видать, как своих ушей. Я правильно понял?

ДЖУЛИЯ. Извини, Тони, но «Пегас» ты не получишь. Я согласна с Одри, ресторан тебя только погубит. И давай к этому больше не возвращаться.

ТОНИ. Но, мама!..

ДЖУЛИЯ. Всё, точка! О «Пегасе» забудь, как будто бы его и нет вовсе.

На какое-то время гостиная окунулась в напряженную тишину. Тони вскочил с кресла и принялся нервно ходить взад-вперед, не зная, куда девать свои руки, и от этого хаотично махая ими. Остальные члены семьи просто наблюдали, давая молодому человеку время успокоиться. Наконец Тони плюхнулся обратно в кресло.

ОДРИ. Ну что, успокоился?

ТОНИ. Да я, в принципе, и не нервничал. Так, чуть-чуть погонял лишние калории.

ДЖУЛИЯ. Думаю, можно продолжить.

ОДРИ. Так мы уже, вроде, весь семейный бизнес распределили. Осталось, только, официально ознакомиться с завещанием, и дело в шляпе. Независимо от того, какие отец оставил распоряжения в своем завещании относительно каждого члена семьи, и кому он оставляет ту или иную часть бизнеса, мы уже все решили. Отец, конечно, в качестве последней шутки, мог передать Тони косметический салон, а мне отписать автомастерскую, но юридически все это решается довольно просто и быстро.

ДЖУЛИЯ. То, что Джонатан мог выкинуть какую-нибудь остроумную каверзу, вроде той, о которой ты только что сказала, это бесспорно. Но все это мелочи, и, как ты правильно

отметила, моя девочка, вопрос решается без проблем. Тут ведь соображения несколько иного рода. Вполне возможно, что ваш отец имел еще дополнительный капитал, о котором нам ничего неизвестно. И если это так, то из завещания мы узнаем, что, где, и сколько. И это будет что-то вроде призового бонуса нам. Ну, а разделить, понятное дело, мы все это сможем, без каких бы то ни было затруднений.

ТОНИ. Так ты все-таки думаешь, мама, что отец действительно мог что-то скрывать от нас в финансовом плане?

ДЖУЛИЯ. Я просто не исключаю этого. Ты не заметил, что нотариус что-то недоговаривает? Всякий раз, когда мне удавалось побыть с ним наедине, я всеми возможными способами пыталась выудить у него, нет ли в завещании чего-то такого, о чем мы не догадываемся, и он постоянно уходит от ответа. Уж я-то заметила, как он ухмыляется одними глазами. Наверняка нас ждет сюрприз.

ТОНИ. Честно говоря, в поведении мистера Цимермана я ничего такого не заметил.

ОДРИ. А я, как раз, полностью с тобой согласна, мамочка. Нотариус мне тоже показался человеком, который явно что-то скрывает. Он – мужчина, а значит, лишь женщина способна уловить, что от нее что-то скрывает представитель противоположного пола. По моему разумению, мистер Цимерман хочет получить определенное вознаграждение за неожиданную приятную весть, с которой он нас в скором времени вынужден будет ознакомить, оглашая текст завещания. Уверена, что еще до того, как вскрыть конверт, он изъявит желание пошептаться с тобой, мамочка, с глазу на глаз.

ДЖУЛИЯ. Ну, что ж, посланник с доброй вестью должен быть вознагражден. Так повелось издавна. И не нам ломать традиции. Думаю, пять процентов с общей суммы дополнительного капитала будет вполне достаточно. Как-никак, а мистер Цимерман, честный человек и профессионально выполняет свою работу.

ТОНИ. Я не против. Считаю, что пять процентов он заслужил.

ОДРИ. Присоединяюсь. Хотя, если бы он позволил себе самую малость отклониться от правил и всего лишь намекнуть, что отец еще кое-что оставил, помимо всего прочего, я бы не пожалела и десяти процентов.

ТОНИ. Однако где же действительно носит этого нотариуса?! Пора бы ему уже и появиться. Сколько можно издеваться над нами, держа нас в неведении! Лично я уже настроился делить скрытые доходы незабвенного Джонатана Макмиланда. Кстати, мама, а как там относительно денежек, лежащих на банковском счету? Ты не изменила свое мнение?

ДЖУЛИЯ. Нет, не изменила. Эти деньги будут резервным фондом. Мало ли что может случиться!

ТОНИ. Да что может случиться?

ДЖУЛИЯ. Да все, что угодно! Вы еще молоды, и не знаете жизни. А жизнь, мои милые, иногда преподносит такие сюрпризы, что просто мало места.

ОДРИ. Однако, не многовато ли для резервного фонда? Насколько я знаю, сумма довольно внушительная. Может, все-таки, урежем ее?

ДЖУЛИЯ. Нет, я сказала! Ох, и молодежь пошла! Ну совершенно не думают своей головой! Вдруг, не дай Бог, кризис какой! К примеру: фабрика оказывается на грани банкротства. Вот тут, как раз, и понадобится серьезная финансовая поддержка. Или косметический салон...

ОДРИ. Мамочка, расслабься! Твои предположения потеряли реалии. Да в наше время косметический салон даже теоретически не может обанкротиться. Современная женщина желает выглядеть красивой двадцать четыре часа в сутки. А некоторые, и все двадцать пять часов. Женщина может наплевать на все, но только не на изображение в карманном зеркальце, когда даже чуть заметная морщинка способна повергнуть нас, представительниц прекрасного пола, в настоящую истерику. Так что, мамочка, по поводу салона ты явно переборщила.

ТОНИ. И автомастерскую ты тоже сюда не впутывай, мама. Для современного делового мужчины автомобиль, это как для женщины внешний вид. К счастью, техническая сторона современного авто частенько капризничает, а значит клиентура в ближайшее время, лет, эдак, на пятьдесят вперед, никуда не денется; будет только увеличиваться. А посему...

ДЖУЛИЯ. Ладно, ладно. Возможно вы, в своем роде, правы. Я всего лишь привела пример. И независимо от того, убедили вы меня или нет, резервный фонд останется

неприкосновенным. Он будет гарантией хоть какой-то уверенности в завтрашнем дне.

Появляется Магда.

МАГДА. Там пришел мистер Цимерман.

ДЖУЛИЯ. Ну, наконец-то! Веди его скорее сюда.

МАГДА (несколько смущенно). Вернее, он как бы пришел.

ДЖУЛИЯ. Не поняла! Он пришел или нет?

МАГДА. Он пришел, но в дверь еще не звонил. Я увидела его в окно. Мистер Цимерман стоит на пороге, и такое ощущение, что он раздумывает, входить ему или нет. Я минут пять за ним наблюдала, а он, то потянется рукой к звонку, то одернет руку и начинает топтаться на одном месте. Несколько раз он собирался уходить, однако сделав пару-тройку шагов, вновь возвращался к двери.

ДЖУЛИЯ. Это довольно странно. Он еще там, на пороге?

МАГДА. Минуту назад еще был там.

ДЖУЛИЯ. Даже не знаю, что делать.

ТОНИ. Как, что делать! Пойти и пригласить его.

ДЖУЛИЯ. Да, наверное, так и надо сделать. Магда, иди, открой дверь, и если нотариус еще там, пригласи его в дом.

Магда уходит.

ДЖУЛИЯ. Что вы думаете по этому поводу?

ТОНИ. Думаю, что мистера Цимермана, по дороге к нам, посетила какая-то мысль, но он не успел ее должным образом обработать, и теперь топчется перед нашей дверью, пытаюсь, все же, решить эту проблему.

ОДРИ. Я, даже, догадываюсь, что это за мысль. И наверняка эту мысль он уже обработал. Задержка состоит лишь в формулировке. Он думает, как лучше нам об этом сказать.

ТОНИ. И что же это, по-твоему, за мысль такая у него?

ОДРИ. Сколько содрать с нас за свои услуги нотариуса, и сколько еще попросить сверх того, за профессиональную юридическую помощь в вопросе, ранее неизвестных, а теперь зафиксированных в завещании, радостных для нас фактов.

ДЖУЛИЯ. Дай-то Бог, чтоб это было так.

ОДРИ. Да так оно и есть. Я в этом абсолютно уверена.

ТОНИ (слегка скептически). Посмотрим.

Появляется Магда; за ней, смущенный, и вроде как бы не совсем уверенный в себе, нотариус.

НОТАРИУС (натянута улыбнувшись). Здравствуйте. Позвольте обеспокоить вас своим присутствием.

ДЖУЛИЯ. Алан, дорогой вы мой, что за официальная дребедень! Проходите, располагайтесь. Мы вас уже порядком заждались. Почему вы так долго?

НОТАРИУС. Да так, знаете, получилось. Задержался в... этом, как его... ну...

ДЖУЛИЯ. Неважно. Главное, вы уже здесь.

ОДРИ. И мы с нетерпением ждем из ваших уст оглашение завещания.

ДЖУЛИЯ (укоризненно). Одри, как тебе не стыдно! Где твои манеры? Где твой такт? Право, ты ставишь меня в неудобное положение. Разве можно быть такой невоспитанной! Ты должна была сначала попросить мистера Цимермана присесть, предложить ему кофе, или чего-то покрепче, и уже потом приступать к делу.

ТОНИ. Ну, покрепче, это в любом случае уже после того, как мы ознакомимся с содержанием завещания.

ОДРИ. Извини, мама. Я немножко опередила события, тем самым проявив некоторую несдержанность. Сделай поправку на возраст. Мое поколение чересчур уж торопится жить, любить, делать выводы, и... торопится услышать завещание.

ДЖУЛИЯ. Не обращайтесь на нее внимания, мистер Цимерман. Девочка просто дурачится. Проходите, садитесь. Магда, принеси чашечку кофе нашему уважаемому нотариусу.

НОТАРИУС. Нет-нет, спасибо, не стоит беспокоиться. С вашего позволения, я откажусь. Я не пью кофе в это время суток.

ДЖУЛИЯ. Что ж, в таком случае, может, приступим к нашему делу?

НОТАРИУС. Да, пожалуй. Однако (он оглядывает всех присутствующих), для начала позвольте спросить: не приходил ли к вам некий господин в не совсем опрятном виде?

ДЖУЛИЯ. Да нет, никто не приходил, насколько мне известно.

ТОНИ. Простите, мистер Цимерман, а что значит, в не совсем опрятном виде?

НОТАРИУС. Ну, как сказать... Он похож на бездомного.

ОДРИ. Уж не о твоем ли госте идет речь, Магда? Как там его зовут?..

МАГДА (растерянно). Клиффорд Спенсер.

НОТАРИУС. Да, именно он. Стало быть, приходил.

ДЖУЛИЯ. Право, я не понимаю. При чем здесь какой-то бродяга?

ОДРИ. А это становится довольно таки любопытно! Мистер Цимерман, может, объясните нам, что, собственно, происходит?

ДЖУЛИЯ. Давайте, для начала, сядем за стол.

Семейство Макмиландов и нотариус усаживаются за стол. Магда продолжает стоять, в ожидании каких-нибудь распоряжений.

НОТАРИУС (положив рядом папку, нервно поправляет галстук; его волнение бросается в глаза). Простите, можно стакан воды? Что-то пересохло в горле.

ДЖУЛИЯ (волнение нотариуса потихоньку начало передаваться и ей). Конечно. Магда, будь любезна, принеси мистеру Цимерману стакан воды.

Магда уходит. За время ее отсутствия в гостиной ничего особенного не происходит. Все молчат. Джулия не может справиться с трясущимися от волнения руками; Тони нервно постукивает пальцами по столу; Одри блуждающим взглядом косится на присутствующих; нотариус, достав из кармана носовой платок, вытирает вспотевшие ладони.

Возвращается Магда, ставит стакан с водой рядом с нотариусом. Тот выпивает, и удовлетворенно выдыхает. Магда забирает пустой стакан и вопросительно смотрит на хозяйку.

ДЖУЛИЯ. Можешь идти, Магда.

Домработница уходит. Джулия выдерживает паузу. Все в ожидании, когда же она нарушит эту паузу.

ДЖУЛИЯ. Ну, а теперь рассказывайте, мистер Цимерман. Кто такой этот Клиффорд Спенсер, почему он был здесь, и как это связано с завещанием? Ведь это связано с завещанием? Я правильно понимаю?

НОТАРИУС (выказывая явную неловкость). Да, имя человека, который сегодня приходил к вам, непосредственно связано с завещанием Джонатана Макмиланда.

ОДРИ. Ага, я поняла! Очевидно, этот бродяга – наш родственник, и отец включил его в завещание. Так, мистер Цимерман?

НОТАРИУС. Ну, в общем-то, да.

ТОНИ. Вот это новость! И откуда же взялся сей родственничек?

НОТАРИУС. Не могу точно сказать. Знаю, только, что Джонатан Макмиланд искал его довольно долго. А когда нашел, был безмерно счастлив.

ДЖУЛИЯ. Однако, как-то уж слишком неожиданно все это. Честно говоря, я никак не ожидала от Джонатана подобной скрытности. Почему он ничего не говорил об этом?

Нотариус лишь пожал плечами, и это еще больше заинтриговало все семейство.

ТОНИ. Да-а, ожидали дополнительный капитал, а получается, что придется еще и делиться. И главное, неизвестно с кем!

ОДРИ. Думаю, в завещании на этот вопрос есть ответ. Так ведь, мистер Цимерман? НОТАРИУС (все так же смущенно). Разумеется.

ДЖУЛИЯ (окинув взглядом своих детей). Ну что вы сникли! Никакой катастрофы не произошло. Ну, получит чуть-чуть этот Спенсер. Ничего страшного.

ОДРИ. Совсем ничего страшного! Чуть-чуть, мамочка, это четверть. Двадцать пять процентов. Все знают, что Джонатан Макмиланд был человеком на редкость честным и справедливым. А это значит, он разделил наследство поровну. Нас было трое наследников, теперь стало четверо. Каждому по двадцать пять процентов. Но если для нас троих распределить наследство особого труда не составило, и при любом раскладе, так или иначе, весь капитал находился бы под нашим контролем, то есть под контролем семьи, то с неожиданным появлением бродяги по имени Клиффорд Спенсер, капитал семьи Макмиландов сократится ровно на четверть. Вряд ли он согласится влиться в нашу семью со своей частью наследства. Да я и сама, мягко говоря, не горю желанием постоянно иметь перед глазами такого родственника. Уверена, что как только он получит свою долю, тут же исчезнет с нашего горизонта.

ТОНИ. Исчезнет с нашими двадцатью пятью процентами.

ДЖУЛИЯ. Вообще-то, это его двадцать пять процентов. И он с ними волен делать все, что посчитает нужным.

ОДРИ. Значит, ты согласна, вот так просто взять, и отдать четверть нашего наследства непонятно кому, какому-то проходимцу?!

ДЖУЛИЯ. А что тут поделаешь? Придется отдать. Закон есть закон.

ОДРИ. Я тебя умоляю, мама! Какой, к черту, закон! Пусть еще докажет, что он вообще имеет какое-то отношение к нашей семье, к семье Макмиландов!

ТОНИ. Тут ты, сестренка, явно попала не в тему. Как раз закон здесь действует конкретно. Клиффорду Спенсеру совсем не обязательно быть нашим родственником, ни дальним, ни ближним, достаточно того, что его имя фигурирует в завещании. Вот если бы его не было в завещании, или завещание не было нотариально засвидетельствовано, тогда, да, мы послали бы этого Спенсера, куда подальше, и ничего бы он не доказал. А так, приходится лишь констатировать печальный факт. Разве, только, поговорить с ним... Дать немножко денег, наличными, и пусть катится на все четыре стороны.

ОДРИ. Точно! Это мысль! Положим перед ним пачку купюр, помельче, чтобы пачка выглядела более толстой и более соблазнительной, и вы увидите, как у него загорятся глаза. Наверняка он еще никогда в жизни не видел столько денег. Да он сразу же забудет о какой-то там четверти, о каких-то там двадцати пяти процентах, стоит ему лишь взять в руки эту пачку.

ТОНИ. И за это ему нужно будет подписать всего-навсего одну незначительную бумажку, в которой он отказывается от своей доли наследства. Кстати документик сей необходимо будет составить таким образом, чтобы он не понял истинного смысла его. Это на тот случай, если Клиффорд Спенсер вдруг прозреет и решит вернуться к вопросу о своей доли.

ОДРИ. Ты просто гений, Тони! А твое мнение, мама?

ДЖУЛИЯ. Что я могу сказать... Идея, вроде, неплохая. Будем надеяться, что это сработает. Но сперва не мешало бы посмотреть на этого человека.

ТОНИ. А действительно! Что, если он больше не объявится? Что, если мы никогда его больше не увидим?

ОДРИ. Тогда проблема разрешена! Насколько я понимаю, он ведь еще не знает о наследстве; а значит не в курсе и по поводу своей роли в этом мероприятии. Мистер Цимерман, вы же ему еще не говорили о наследстве?

НОТАРИУС (слушающий весь этот разговор, и одновременно с этим углубившись в свои размышления, не сразу понял, что обращаются к нему). А, что?.. Нет, Клиффорд Спенсер ничего не знает.

ОДРИ. Вот и отлично! Как он там подумал, что над ним пошутили? Пусть же в этой уверенности и остается. Наверняка он уже далеко отсюда, так что, пожелаем ему удачи.

ТОНИ. Присоединяюсь. И пусть ему достанутся только самые лучшие мусорные баки.

ДЖУЛИЯ. Ох, что-то подсказывает мне, что не все так безоблачно.

ОДРИ. Да ладно тебе, мама! В конце концов, если он все-таки объявится, мы откупимся от него мелочью.

ДЖУЛИЯ. Дай-то Бог! Хотя, лучше всего, если б он и в самом деле больше не объявлялся. Мистер Цимерман, что вы думаете по этому поводу? Вы видели Клиффорда Спенсера; что он собой представляет? Возможно ли, что он вернется сюда, дабы удовлетворить вновь вспыхнувшее любопытство, спрашивая себя: зачем же, все-таки, его послали в этот дом?

НОТАРИУС. Не знаю. Я сделал то, что должен был сделать. Я пригласил его сюда. Наверно мне следовало бы раньше объяснить ему все, но получилось так, как получилось.

ТОНИ. Похоже, мы должны быть, в некотором роде, благодарны вам. Хотя это, в данной ситуации, наверно не совсем этично.

НОТАРИУС. Да, вы правы, не совсем этично. Тем более, что...

ТОНИ. Что?..

НОТАРИУС (смущенно). Да так, ничего, пока...

ОДРИ. Что-то, мистер Цимерман, на вас, вроде как бы лица нет. Вы, случаем, не больны?

ДЖУЛИЯ. Действительно, мой дорогой, что-то вы чересчур уж бледный.

НОТАРИУС. Все нормально, я в порядке. Не беспокойтесь. Просто не выспался.

Гостиная погрузилась в очередную паузу. Каждого из Макмиландов волновала тема завещания, однако ощущение возможного неожиданного сюрприза, сюрприза, как в положительном, так и в отрицательном аспекте, привело к тому, что никто не осмеливался поторопить нотариуса с оглашением завещания, оттягивая этот роковой момент. Но вечно продолжаться так не могло, и кто-то должен был взять инициативу на себя.

ДЖУЛИЯ (стараясь выглядеть спокойно и уверенно). Однако не пора ли приступить к главной части нашего собрания? Так сказать, к десерту.

ТОНИ. Давно пора.

ОДРИ. А то я уже начала потихоньку забывать, зачем мы все здесь собрались.

ДЖУЛИЯ. Мистер Цимерман, прошу! Огласите волю нашего любимого мужа и отца, волю нашего незабвенного Джонатана Макмиланда. Да будет земля ему пухом!

НОТАРИУС. Да-да, конечно! (он открыл папку, на несколько секунд застыл в раздумье, после чего захлопнул папку, так ничего из нее и не достав).

ДЖУЛИЯ. В чем дело? Какие-то проблемы?

ОДРИ. Вы забыли захватить с собой завещание?

ТОНИ. Или вы боитесь оглашать его нам?

НОТАРИУС (обведя присутствующих отрешенным взглядом). Я пытался его вразумить, однако он был непреклонен.

ДЖУЛИЯ. Вы пугаете меня. Кого вы пытались вразумить, Джонатана?

НОТАРИУС (дрожащим голосом). Даже не знаю, как мне вслух прочитать это завещание.

ОДРИ. Да что же, в конце концов, там такого для нас ужасного?

ТОНИ. Кажется, я догадываюсь. Мало того, что какой-то бродяга забирает у нас четверть наследства, так еще, очевидно, размер самого наследства гораздо меньше, чем мы предполагали. Возможно, фабрика нам уже не принадлежит, или косметический салон. А

может, и то и другое вместе. Интересно, автомастерская хотя бы осталась? И на счет ресторана, мама, вполне может быть такая же история.

ДЖУЛИЯ (явно испуганная). Нет, это невозможно! Просто невозможно! Мистер Цимерман, развеите эти догадки, скажите, что это бред!

НОТАРИУС. Это бред. Уж простите меня, молодой человек (кивает в сторону Тони). Все предприятия в целости и сохранности. Никаких катаклизмов бизнес Джонатана Макмиланда не претерпел; а наоборот, развивается стремительными темпами. Достаточно отметить, что последним приобретением мистера Макмиланда стал алмазный прииск. Он рискнул вложить довольно таки крупную сумму в, казалось бы, отнюдь неперспективный проект, и ему повезло. В скором времени на участке обнаружили значительные залежи алмазов.

ОДРИ (восторженно). Вот это да!.. Вы не шутите, мистер Цимерман? Вот здорово-то!

ТОНИ. Только подумать, алмазный прииск! Это похлеще, чем... Даже не знаю, с чем сравнить!.. Вот вам и дополнительный капитал, о котором мы фантазировали. Как делить-то будем прииск?

ДЖУЛИЯ. Погоди делить. Мы ведь еще не знаем, вдруг этот прииск завещан Клиффорду Спенсеру.

ОДРИ. И я бы совсем не удивилась. Папочка вполне мог выкинуть такой кульбит.

ТОНИ. Как на счет того, чтобы закончить уже издеваться над своими нервами, и вскрыть, наконец-то, завещание?!

ДЖУЛИЯ. Мистер Цимерман, нет возражений?

НОТАРИУС (вздыхая). В принципе, нет. Все равно, рано или поздно, а огласить завещание придется. О-хо-хо!..

ТОНИ. Не тяните жилы! Вы уже всех нас довели до последней стадии...

Нотариус, продолжая вздыхать, достал из папки конверт, распечатал его, вынул сложенный вдвое документ, развернул, пробежался глазами по тексту (это заняло несколько секунд), посмотрел на Джулию, не произнося ни слова, сложил документ и положил рядом.

НОТАРИУС. Сейчас, одну минуту.

Он порылся в своих карманах и достал флакончик с лекарством.

ДЖУЛИЯ. Что это?

НОТАРИУС. Сердечные капли, на всякий случай.

Он вновь взял в руки завещание, развернул его, и скороговоркой, но четко и внятно, прочитал:

НОТАРИУС. «Я, Джонатан Макмиланд, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю все свое состояние моему единственному сыну и наследнику Клиффорду Спенсеру. В чем и подписываюсь».

Первой из шока вышла хозяйка. Она потянулась за сердечными каплями, и влила в себя весь пузырек. После чего поставила пустую тару на то же самое место.

ДЖУЛИЯ. Это всё?

НОТАРИУС. Да, это всё. Мне очень жаль, миссис Макмиланд.

ОДРИ. Я не поняла; вы сейчас что прочитали?

НОТАРИУС. Я сейчас огласил завещание Джонатана Макмиланда.

ТОНИ. Мне срочно надо выпить. Эй, Магда, принеси мне бутылку водки! Нет, лучше сразу ящик!.. Нет, это не может быть правдой!

ОДРИ. А это и есть неправда. Вот эта вот бумажка, которая, якобы, называется завещанием, обыкновенная фальшивка. Что в ней сказано? Завещаю все свое состояние моему единственному сыну. А мы тогда кто?! Я, Одри Макмиланд, его дочь; ты, Тони Макмиланд, его сын. Да любой суд признает это завещание недействительным!

НОТАРИУС. Кроме завещания мистер Джонатан оставил еще письмо, в котором изложил некоторые детали, связанные с принятием столь неожиданного для вас решения. Я уполномочен прочитать его во всеуслышание, если на то ни у кого не будет возражений.

При этих словах нотариуса Джулия заметно разволновалась. Она закрыла ладонями свое лицо и зашептала что-то похожее на молитву. Однако состояние присутствующих было таково, что никто особо не обратил внимания на реакцию хозяйки.

ОДРИ. Не хотите ли вы сказать, мистер Цимерман, что в этом письме есть доказательства подлинности завещания?

НОТАРИУС. В некотором роде, да.

ОДРИ. Ха! Папочка в своем репертуаре! Решил подстраховаться, на случай, если мы вдруг усомнимся в том, что он способен оставить свою семью без гроша, имея при этом огромное состояние. Что ж, послушаем, что он с того света нам скажет. Теперь я понимаю, почему он запретил вскрывать завещание до того, как его похоронят. Боялся умереть от стыда, взирая из открытого еще гроба на дело своих рук.

ТОНИ. Нет, он боялся, что мы, в благодарность за его щедрость, похороним его не на кладбище, как доброго христианина, а на мусорной свалке, по соседству с его единственным наследником, Клиффордом Спенсером.

ОДРИ. И он не ошибался. Я бы лично установила на месте его последнего приюта огромное пугало, в качестве надгробного памятника. И веселило б это пугало на мусорной свалке всех местных ворон. Давайте, мистер Цимерман, озвучьте письмо. Не терпится узнать, чем еще нас может удивить свежее испеченный усопший Джонатан Макмиланд.

ДЖУЛИЯ. Подождите! Не надо читать это письмо!

ОДРИ. Это еще почему?

ДЖУЛИЯ. Не надо, и всё!

ТОНИ. Что-то я не понимаю, мама. Ты знаешь содержание письма?

ДЖУЛИЯ. Я догадываюсь...

ТОНИ. Какие-то семейные тайны, которые нужно скрывать?

ОДРИ. Скрывать от нас, от твоих детей, мама?

ДЖУЛИЯ. Не так все просто.

ОДРИ. Ну, конечно!

ТОНИ. Ты же прекрасно понимаешь мама, что теперь мы тем более не отстанем, пока не узнаем, что содержится в этом чертовом письме.

ДЖУЛИЯ. Да, понимаю... Но...

ОДРИ. Никаких «но»... Мистер Цимерман, немедленно ознакомьте нас с содержанием письма!

НОТАРИУС. Только, если все согласны.

ОДРИ. Мама?!

ДЖУЛИЯ (пересилив себя). Читайте. Что уж тут поделать! Возможно, там совсем не то, о чем я думаю.

ТОНИ. А если там действительно не то, ты нам потом расскажешь? Мы ведь не успокоимся, пока всё не узнаем. Во всяком случае, я.

ОДРИ. А я уж, тем более.

ДЖУЛИЯ. Расскажу... Как-нибудь, потом... Наверное... Читайте, господин нотариус.

НОТАРИУС. Как скажете (он вскрывает письмо и начинает вслух читать). «Если вы читаете это письмо, стало быть, я уже на том свете. А раз я на том свете, значит и с завещанием вы ознакомились, мои дорогие Джулия, Одри и Тони. Смею предположить, что вряд ли кто-нибудь из вас останется в восторге от моего решения. Что поделать, таковы реалии жизни. Однако не буду мучить вас долгим вступлением. Одри и Тони, уж не знаю, обрадует вас эта новость или нет, но вы не родные мои дети. В том смысле, что к вашему

зачатию я не имею никакого отношения. О своих биологических папашах вы сможете узнать от Джулии; она-то уж, во всяком случае, ваша настоящая мать. Исходя из этого, каждый теперь сможет понять, почему я с таким легким сердцем лишаю мою так называемую семью всех прав на наследство. От себя же могу добавить: тебя, Джулия, я так и не смог простить за измену. Извини, что так тщательно скрывал это всю нашу совместную жизнь. Тебя, Одри, я, наверное, смог бы полюбить, как родную дочь, да только характером ты, очевидно, полностью пошла в своего настоящего отца. Я общался с ним несколько раз. Такой же эгоистичный, лживый и морально-деградированный, как и ты. Что же касается тебя, Тони, то твоего родителя я тоже какое-то время имел счастье знать. Кроме внешности, ты умудрился унаследовать его непревзойденную глупость и такую же непревзойденную лень.

Относительно моего родного сына Клиффорда, то я искал его долго, и наконец, нашел. Ему-то я и завещаю все свое движимое и недвижимое имущество, все свои финансовые потоки, а так же при любых обстоятельствах оставаться человеком. Вот, в общем-то, и все, что я хотел довести до вашего сведения. Не поминайте лихом... Хотя, вряд ли у вас это получится. Безвременно покинувший этот мир, Джонатан Макмиланд.

ОДРИ (после некоторой паузы). Мама, это правда?

ДЖУЛИЯ. Понимаешь, Одри, так получилось.

ОДРИ (саркастически). Да, разумеется, я понимаю! Так получилось! Совершенно рядовая обычная ситуация: жена беременна от другого. Подумаешь, эка невидаль! Сколько таких семей! И ничего; живут счастливо; и после своей кончины не пускают тех, с кем прожили столько лет, по миру. Однако почему-то именно наш, так называемый глава семейства, решил, будто оскорблен настолько, что имеет моральное право лишить нас всего. И только потому, что его обожаемая женушка один раз оступилась!

ТОНИ. Ну, как я понимаю, оступилась наша мамочка, как минимум два раза. Но я с тобой совершенно согласен, Одри, мстить таким вульгарным способом, по меньшей мере, просто аморально. Ну и что с того, что я не родной его сын?! Разве это повод, так себя вести?! Я же не буду отказываться от наследства только потому, что мой отец, оказывается, вовсе мне не отец! Я же это могу пережить! Почему же он это пережить оказался не в состоянии?

ОДРИ. Как раз это, если ты помнишь, мой дорогой братец, строки из письма, он вполне мог пережить. А от чего он так и не смог пережить, исходя из тех же самых строк, так это твою непревзойденную глупость; туда же относится и лень.

ТОНИ. Хочу напомнить тебе, дорогая моя сестричка, что и тебя лишили наследства по аналогичным причинам. Благодаря своей эгоистичности, лживости и моральной деградации, ты стоишь со мной на одной ступеньке; на ступеньке полной нищеты и беспросветного будущего.

ДЖУЛИЯ. Слава Богу, хоть дом нам остался!

ОДРИ. Да, хоть какой-то позитив.

НОТАРИУС. Гм... Должен огорчить вас еще больше. Сожалею, но дом вам больше не принадлежит.

ДЖУЛИЯ. Что вы такое говорите! Дом оформлен лично на меня! И он никакого отношения не имеет к имуществу Джонатана Макмиланда.

НОТАРИУС. Так оно было еще неделю назад. Но буквально за несколько дней до своей кончины мистер Джонатан переписал дом на себя. Юридически, он имел полное право это сделать; и сделал.

ДЖУЛИЯ. Господи, да что же это такое! Как он смел?!

ОДРИ. Так это получается, что нам теперь даже жить негде?

ТОНИ. Ну, почему же. Мы просто поменяемся местами с Клиффордом Спенсером. Он переезжает сюда, а мы перебираемся на свалку. Будем, отныне, копаться в мусорных баках, в поисках хлеба насущного, ходить в грязном рваном тряпье, и радоваться каждому теплему солнечному дню, при этом, не забывая, что ненастных холодных дней в году гораздо больше, и с грустью констатировать этот факт.

ОДРИ. Прекрати! Твоя ирония сейчас совершенно неуместна. Лучше подумаем, что делать.

ТОНИ. А что делать! Вариант только один. Надеяться, что Клиффорд Спенсер не объявится, и тогда, по прошествии определенного отрезка времени, все переходит к нам. Я прав, господин нотариус?

НОТАРИУС. В общем-то, да. Если в течение полугода Клиффорд Спенсер так и не объявится, вы подаете в суд, на предмет унаследования имущества покойного Джонатана Макмиланда, и суд, со стопроцентной гарантией, решает вопрос в вашу пользу. Обращение в суд, это чисто формальная процедура, но без этого нельзя. Таковы наши законы. Однако тут есть один нюанс. Если Клиффорд Спенсер все же когда-нибудь объявится, то у него появится возможность отсудить наследство. Другой вопрос, что сделать ему это будет уже не так просто. А учитывая ваши финансовые возможности и его финансовую несостоятельность, шансов у Клиффорда Спенсера видится не так уж и много. А точнее, шансов никаких.

ДЖУЛИЯ. Значит, ничего еще не потеряно?

ОДРИ. Конечно не потеряно, мама! Этого липового наследника мы больше никогда не увидим.

ТОНИ. А если и увидим когда-нибудь, то только для того, чтобы бросить в его протянутую нищенскую руку пару монет.

ДЖУЛИЯ. Главное, чтобы он не объявился ближайшие полгода.

ТОНИ. Пусть только попробует! Я с ним быстро разберусь!

НОТАРИУС. Кх, это, конечно, ваше право, но должен вас предупредить, молодой человек, что если вы задумаете что-либо худое против Клиффорда Спенсера, как наследника, то вам светит скамья подсудимых и тюремный срок, продолжительность которого зависит от степени причиненного ущерба законному правопреемнику всех богатств Джонатана Макмиланда. В таком статусе повышенного уровня неприкосновенности наш нищий и бездомный друг, каковым он, на данный момент, пока еще является, будет пребывать в течение полугода. А вот по истечении этого срока, когда наш бродяга потеряет вышеозначенную неприкосновенность и вновь станет обыкновенным балластом в развитии цивилизованного общества, позоря нацию убожеством своего социально-морального падения, тогда предъявить претензии к нему, что он, якобы, стоит на дороге и мешается под ногами, будет гораздо проще.

ДЖУЛИЯ. Тони, мальчик мой, ты понял?

ТОНИ. Да понял я, мама, понял. Что об этом говорить! Все равно этого оборванца мы больше никогда не увидим; я в этом уверен. Остается, всего-навсего, подождать шесть несчастных месяцев, и все будет нормально.

ДЖУЛИЯ. Я тоже в этом уверена. На днях мне приснилась навозная куча, а это к удаче.

ОДРИ. Надеюсь, на ближайшие полгода нам не нужно перебираться в шалаш? Мы можем оставаться в нашем доме, который, как я понимаю, на сегодняшний день нам не принадлежит, как часть не принадлежащего пока еще нам наследства, а, мистер Цимерман?

НОТАРИУС. Разумеется, вы можете жить в этом доме. Он хоть и является частью не принадлежащего пока еще вам наследства, тем не менее, закон не запрещает этого, покуда, во-первых, другой жилплощади, не относящейся к завещанию, насколько я знаю, у вас нет, а во-вторых, попросить освободить вас данную территорию, по известным причинам, тоже пока некому.

ТОНИ. Вы так сказали это «пока некому», господин нотариус, что мне показалось, будто вы не исключаете появление Клиффорда Спенсера. Я бы даже добавил: с минуты на минуту ожидаете его.

НОТАРИУС. Вам показалось. Вы сейчас слишком возбуждены, Тони, и поэтому думаете, черт знает что.

ОДРИ. Действительно, дорогой братец, не говори чепухи. Мистеру Цимерману самому не улыбается, если вдруг этот бродяга, сейчас или в ближайшем будущем, предстанет перед нашими глазами. Как-никак, а он все-таки рассчитывает на приличное вознаграждение от нашей семьи, когда эпопея с наследством наконец-то закончится, и мы на законном основании вступим в право обладать им. Я не позволила себе лишнего, мистер Цимерман?

НОТАРИУС (слегка смутившись). Если и позволили, мисс Одри, то самую малость.

ДЖУЛИЯ. Вы уж простите ее, Алан, просто никакого сладу с ней нет. Она такая болтушка! Иногда такое ляпнет, что, хоть стой, хоть падай!

НОТАРИУС. Не переживайте, миссис Макмиланд, я все прекрасно понимаю. Эх, молодость! Сбросить бы мне годков этак тридцать! К тому же, ваша очаровательная дочь в чем-то права... я надеюсь (загадочно улыбается).

ДЖУЛИЯ. Разумеется, дорогой вы наш! Как только все будет оформлено, вы получите, в качестве нашей благодарности, очень приличную денежную сумму. Уж мы-то сможем по достоинству оценить, и ваше участие, и ваш профессионализм.

НОТАРИУС. Благодарю вас. Я никогда не сомневался в вашей щедрости. Что греха таить, мне приятно будет получить материальную благодарность от семьи Макмиландов, которую я всегда уважал, и буду уважать впредь. Признаюсь вам по секрету, у меня на примете есть один очень милый и уютный домик на берегу океана. И не хватает буквально какой-то мелочи, чтобы приобрести его. И думаю, что как раз вашей скромной благодарности вполне хватит, чтобы не только выкупить этот домик, но и более-менее его обставить. Я взял его пока в аренду. Срок аренды кончается через семь месяцев; так что время, как видите, не поджигает, и я с огромным удовольствием подожду вместе с вами эти несчастные полгода, а затем помогу вам, как можно быстрее, все оформить.

ДЖУЛИЯ. Вы всегда, Алан, были мне симпатичны в качестве нотариуса. Будьте спокойны, нашей благодарности хватит и на домик, и на обстановку.

ТОНИ. А вот скажите-ка, мистер Цимерман: если, все же, включить на полную мощность свою фантазию и предположить невероятный факт, что Клиффорд Спенсер вдруг возьмет и появится здесь; будете ли вы, в таком случае, ему помогать, учитывая, что он не посчитает нужным оскорбить вас хорошей материальной благодарностью?

ДЖУЛИЯ. Как тебе не стыдно, Тони! Ты оскорбляешь мистера Цимермана, как профессионала.

НОТАРИУС. Спасибо, миссис Макмиланд. Дело в том, Тони, что я действительно профессионал, и перво-наперво для меня существует закон. Коль Господу Богу будет угодно сделать Клиффорда Спенсера действующим наследником, я, как доверенное лицо в вопросе завещания Джонатана Макмиланда, выполню свой профессиональный долг, и независимо от того, будет материальное поощрение от моего клиента или нет, он получит с моей стороны полный комплект юридических услуг. Однако в вашем вопросе, молодой человек, я вижу явный неприкрытый сарказм. Если я, как нотариус, вас не устраиваю, вы вправе отказаться от моих услуг. Заодно сэкономите на благодарности. Впрочем, вряд ли, поскольку другой нотариус, без которого вам все равно не обойтись, может иметь совсем иные моральные принципы и содрать с вас за свои услуги намного больше, чем вы собираетесь предложить мне. Я же, как вы можете заметить, не дискутирую по поводу суммы вашей благодарности. И даже если вы передумаете и не заплатите мне ни гроша, помимо, разумеется, того, что обязаны выплатить по закону, я никоим образом не буду делать из этого трагедии. Свои обязательства по отношению к вам я выполню полностью, но на этом поставим точку. Больше я с семейством Макмиландов никаких отношений иметь не буду.

ДЖУЛИЯ. Господи, Алан, ну простите вы Тони! Мальчик не подумал, и ляпнул глупость. Тони, извинись сейчас же!

ТОНИ (явно заметно, что говорит через силу). Ладно, мама, не переживай так. Я извинюсь, если для тебя это так принципиально.

ДЖУЛИЯ. Только не надо мне делать одолжение. Ты оскорбил мистера Цимермана, и как порядочный человек, ты обязан принести ему свои извинения.

ТОНИ. Хорошо, я понял. Господин нотариус, приношу вам свои извинения. Я был, наверно, не совсем тактичен. Не принимайте близко к сердцу... Ну, где-то так.

НОТАРИУС. Не насилуйте себя, Тони. Будем считать это недоразумением.

ДЖУЛИЯ. Вот и прекрасно! И дабы сгладить последние углы возникшего, так сказать, недопонимания, предлагаю выпить по бокалу вина.

НОТАРИУС. Не откажусь.

ТОНИ. Думаю, по одному бокалу будет мало.

ДЖУЛИЯ. Тони, не паясничай.

ОДРИ. И я бы с удовольствием выпила.

ДЖУЛИЯ. Магда, где ты там? Зайди, пожалуйста, к нам!..

Не успели последние слова вылететь из гостиной,
как домработница буквально влетает, чуть не сбив по дороге
стоящего у дверей Тони.

ТОНИ. Однако, Магда, ты бьешь все рекорды скорости! Надо будет как-нибудь
использовать эти твои данные. Например, отправка и доставка писем. Наша почта нынче
такая медлительная!

МАГДА (после короткой паузы, с выражением явной растерянности на лице). Там к
вам пришли.

ДЖУЛИЯ. Кто?

Магда в ответ лишь молча указала в сторону выхода.
И в следующую секунду появляется Клиффорд Спенсер.

КЛИФФОРД (неуверенно махнув рукой нотариусу). Здравствуйте, сэр. Я увидел вас
на улице... Пошел следом... Долго не решался вновь сюда зайти... У вас, кстати, входная
дверь открыта настежь.

МАГДА (виновато). Так это же я решила проветрить прихожую!

Воцарилась пауза. Немая сцена длится несколько секунд.
Макмиланды догадываются, кто перед ними стоит, однако
боятся до конца себе в этом признаться.

ДЖУЛИЯ. Позвольте спросить, кто вы такой?

КЛИФФОРД. Меня зовут Клиффорд Спенсер. Вот этот господин (указывает на
нотариуса) попросил меня прийти сегодня к вам. Я не знаю, зачем это ему понадобилось, но
я у него в долгу, потому как благодаря его участию, меня выпустили из тюрьмы, где мне
грозило провести несколько месяцев; и вот я здесь, поблагодарить вас еще раз, сэр, извините,
не имею чести знать вашего имени, а заодно и выполнить обещание: появиться в этом
прекрасном доме. Мне бы такой!..

ТОНИ (от слов бродяги у него перехватило дыхание; особенно от последнего
предложения). Кх, кх... Итак вы утверждаете, что ваше имя Клиффорд Спенсер?

КЛИФФОРД. Точно так, сэр.

ТОНИ. А чем вы можете это доказать?

КЛИФФОРД. Простите, я вас не понимаю. Зачем мне вообще нужно это доказывать?
Никого из вас я не знаю. Кроме вот этого господина, который внес за меня залог, всех
остальных я вижу впервые. Ах да, вас, мадам (смотрит на Магду), я имею счастье видеть во
второй раз. Если, как я еще раньше начал догадываться, это была всего лишь шутка и меня
здесь совсем не ждут, что, судя по колоссальной разнице в моем с вами общественном
положении, вполне естественно, то тогда извольте мне откланяться. Всего доброго!

Клиффорд собирается уже уходить, но нотариус его останавливает.

НОТАРИУС. Подождите! Я пригласил вас сюда совсем не ради шутки. Вам может
показаться это странным, но мы вас ждали.

КЛИФФОРД. Это действительно странно. В таком случае, объясните, что вам от меня
надо?

ДЖУЛИЯ. Может, для начала, присядете?

КЛИФФОРД. Я бы с удовольствием, но, к сожалению, я забыл надеть свой парадный
костюм, а в этой одежде, которая сейчас на мне, я испачкаю вашу шикарную мебель. Я уж
лучше, с вашего позволения, постою. Кстати, что до идентификации моей личности, то сразу
говорю: никаких документов при себе, подтверждающих, что я Клиффорд Спенсер, у меня
сейчас нет. Но я – Клиффорд Спенсер, хотите – верьте, хотите – нет. Во всяком случае, под
таким именем я помню себя с самого раннего детства, когда бегал еще в шортах, ел
молочную кашу, и мечтал поскорее вырасти, чтобы стать кондитером.

ДЖУЛИЯ. Почему кондитером?

КЛИФФОРД. Станный вопрос. Потому что в детстве, как и каждый ребенок, я очень любил пирожные. Вообще-то, я и сейчас их люблю...

ТОНИ. Однако кондитером уже стать не хотите.

КЛИФФОРД. Уже не хочу.

ОДРИ. А кем вы хотите быть?

КЛИФФОРД. Человеком. Обыкновенным нормальным человеком. С улыбкой встречать рассвет, и с благодарностью провожать очередной прожитый день.

ОДРИ. А вы романтик, мистер Спенсер.

КЛИФФОРД. Есть немножко. Однако я так пока еще и не понял, зачем, собственно, меня сюда пригласили?

НОТАРИУС. Видите ли, Клиффорд, дело, касающееся вас, может показаться вам настолько неожиданным, что, боюсь, вы вряд ли сразу поверите.

КЛИФФОРД. Посмотрите на меня, мистер... э...

НОТАРИУС. Алан Цимерман.

КЛИФФОРД. Посмотрите на меня, мистер Цимерман. Разве я похож на человека, которого в этой жизни может еще что-то удивить?

НОТАРИУС. Жизнь, мой друг, такая штука, что в ней всегда найдется в запасе парочка удивительных сюрпризов. К примеру, вам нравится этот дом?

КЛИФФОРД. Конечно. Прекрасный дом.

НОТАРИУС. И вы хотели бы в нем жить.

КЛИФФОРД. Было бы здорово.

НОТАРИУС. А как бы вы отреагировали, если бы я сказал, что отныне он ваш?

КЛИФФОРД (рассмеявшись). Дал бы вам градусник и попросил измерить температуру.

НОТАРИУС. Наверное, на вашем месте я отреагировал бы точно так же. Только вот дело в том, что... (он почесал в затылке, о чем-то размышляя) ... что нам надо сесть за стол и поговорить.

КЛИФФОРД. Да я, вообще-то, ничего не имею против. Если вас не смущает мой внешний вид, ну и прочее...

НОТАРИУС. Вот с этого, как раз, я и хотел начать. Не будете ли вы возражать, мистер Спенсер, прежде чем услышать то, что я должен вам сообщить, привести себя в порядок? Помыться, побриться, переодеться (бросает взгляд на Джулию)... Как вы считаете, миссис Макмиланд, это уместно?

ДЖУЛИЯ. Думаю, вполне уместно. Я и сама собиралась вам это предложить, но господин нотариус меня опередил. Ванна к вашим услугам. Там же вы найдете все необходимое для бритья. А Магда, тем временем, подберет вам кое-что из одежды. Надеюсь, некоторые вещи Джонатана вам вполне подойдут. Он был примерно вашего телосложения.

КЛИФФОРД. Я, право, в полной растерянности. Даже не знаю, что сказать.

НОТАРИУС. Ничего не надо говорить. Просто ступайте вслед за Магдой, а уж она вам все покажет, и если нужно, поможет.

ДЖУЛИЯ. Вне всякого сомнения. Магда, проводи нашего гостя в ванную комнату и позаботься, чтобы все было нормально. Ну, и на счет одежды не забудь.

МАГДА. Я поняла, миссис Макмиланд. Не волнуйтесь, ваш гость останется доволен (лукаво ему подмигивает). Идемте, мистер Спенсер.

КЛИФФОРД. Что ж, раз такое дело, не думаю, что в моем положении стоит отказываться от столь любезного гостеприимства.

Клиффорд, в сопровождении Магды, покидает гостиную.
В течение непродолжительной паузы каждый думает о чем-то своем... Пауза прерывается...

ОДРИ. Надеюсь, Магда достаточно хорошо вымоет ванну после нашего гостя! Не хотелось бы подцепить какую-нибудь заразу.

ТОНИ. Тоже мне, нашла, о чем беспокоиться! К твоему сведению, этот дом нам уже не принадлежит. Отныне он является собственностью Клиффорда Спенсера, который, в

данный момент, смывает с себя не только накопившуюся за долгое время грязь, но и свое нищенское прошлое. Сейчас он предстанет перед нами совсем другим человеком; чистым и богатым. Я в правильном направлении рассуждаю, господин нотариус?

НОТАРИУС (виновато разводит руками). Увы, мой друг. Могу лишь выразить свое сожаление.

ОДРИ. Неужели это случится?! Боже, что мы будем делать?!

ТОНИ. Это уже случилось, сестренка. Сейчас придет господин Спенсер и любезно попросит нас освободить его дом. Возможно он расщедрится и позволит взять с собой, помимо личных вещей, кое-что из драгоценностей. Например, золотой канделябр из кабинета отца, то бишь Джонатана Макмиланда, поскольку отцом он, как выяснилось, является не совсем; или совсем не является, это уж как посмотреть. Учитывая то, как он с нами поступил, последнее будет более верным.

На вырученную сумму от этого золотого канделябра мы вполне сносно можем прожить, в качестве бездомных, несколько месяцев. За это время успеем адаптироваться к новой жизни, и дальше уже пойдет гораздо проще. А если принять во внимание, что Клиффорд Спенсер, как бывший профессиональный бомж, а нынче уважаемый гражданин и достойный член общества, может давать нам бесплатные консультации, как не совсем посторонним ему людям, то наше существование на мусорной свалке вообще представляется радужным и безоблачным. Так что, выше нос, семейство Макмиландов, впереди нас ждет новая захватывающая жизнь, с неограниченной романтикой и полной свободой выбора. В каком хочешь, в таком мусорном баке и ковырайся; где хочешь, там под открытым небом и спи, потеплее закутавшись в тряпье; сказка, а не жизнь!

ОДРИ (почти истерически). Перестань! Хватит издеваться!

ДЖУЛИЯ. Да, Тони, что-то ты разошелся! Возможно, не все так страшно, как мы себе тут напридумывали. Мы ведь совсем не знаем, что собой представляет Клиффорд Спенсер, как человек. Может он окажется порядочным, и не выгонит нас на улицу. В конце концов, что ему делать одному в этом огромном доме? Наверняка он предложит нам остаться. Как-никак, а его отец, тем не менее, был моим мужем. Пусть связь и не такая уж родственная, но она есть.

ОДРИ. О чем ты говоришь, мама! Да уже завтра здесь будет полным полно народу. И догадайся из одного раза, что это будет за контингент! Все его братья по несчастью. Вся бездомная братва, с которой он долгие годы делил незавидную судьбу изгоев общества. В этом и будет заключаться вся его порядочность.

ТОНИ. Полностью с тобой согласен, сестренка. Так оно и будет. Кто мы для него такие? Благополучная семья, живущая в свое удовольствие, до сегодняшнего дня не ведающая никаких невзгод, которой в один прекрасный день просто не повезло. А вот с тем, с кем он под открытым небом бок о бок проводил долгие холодные ночи, согревая друг друга собственным телом под одним рваным одеялом, тот для него навсегда останется самым близким человеком.

ДЖУЛИЯ. Вы говорите такие ужасные вещи, что мне сейчас сделается дурно. В нашем доме будут жить грязные бродяги! Да такое даже представить невозможно!

ТОНИ. В нашем доме такое действительно невозможно было бы представить. Но это уже не наш дом, мама, это дом Клиффорда Спенсера, если ты на секундочку забыла, а стало быть, представить теперь можно все, что угодно. И благодарить за это мы должны нашего дорогого мистера Цимермана.

НОТАРИУС. Я бы попросил вас, молодой человек, не перегибать палку. Я прекрасно понимаю ваше нынешнее состояние, но прошу, держать себя в рамках приличия.

ОДРИ. А что, Тони прав! Это ведь вы, господин нотариус, нашли Клиффорда Спенсера, вытащили его из тюрьмы, пригласили сюда, и теперь ждете, когда он выйдет из ванны, чтобы сделать его наследником всего того, что по совести принадлежит только нам.

НОТАРИУС. Я никого не делаю наследником, мисс Одри; у меня нет таких полномочий; я просто выполняю свой профессиональный долг. В чем, собственно, вы меня обвиняете, молодые люди?

ДЖУЛИЯ. Да ни в чем они вас не обвиняют, Алан; Бог с вами! Они просто хотели сказать, что...

ТОНИ. Что если бы вы, всего-навсего, проявляли меньше инициативы, то все было бы нормально.

НОТАРИУС. Боюсь, я вас не совсем понимаю.

ОДРИ. Да что здесь понимать! Что вам мешало, мистер Цимерман, не так рьяно заниматься поисками какого-то бродяги, который, якобы, является единственным наследником Джонатана Макмиланда? Что вам мешало не нестись, сломя голову, в полицию, чтобы внести залог за Клиффорда Спенсера, насколько я понимаю, из своего кармана?.. Что вам мешало оставить его в тюрьме?.. В конце концов, его ведь за что-то арестовали!.. Он бы спокойно отсидел свой срок, мы бы спокойно, по прошествии необходимого отрезка времени, получили бы наследство, и все было бы хорошо. Каждый бы остался при своем. Мы получили бы то, что по закону совести должны были получить, а Клиффорд Спенсер, честно отсидев свой тюремный срок, вышел бы на свободу и спокойно продолжил бы свою привычную уже жизнь, не ломая, особенно, голову по поводу ближайшего будущего. Жизнь бродяги так же однообразна, как и разнообразна; каждый день как две капли воды похож на предыдущий, и в то же время он всегда новый, интересный и непредсказуемый. В одно мгновение потерять все и стать нищим, как в нашем случае, такой же стресс, как и тогда, когда неожиданно из нищего становишься богатым, что в случае с Клиффордом Спенсером. И еще неизвестно, кому больше не повезло. По статистике, самоубийство чаще всего совершают как раз благополучные, в финансовом отношении, люди. И в этом, без сомнения, есть свое рациональное зерно. Тому, у кого не было ничего, и вдруг появилось все, гораздо труднее перестроиться, чем, если бы это было наоборот. Богатый человек, как правило, всегда держит в голове возможность, толи банкротства, толи другие причины, по которым он может потерять свое богатство, и поэтому старается быть морально готовым к такому повороту; а вот нищий не питает себя иллюзиями о богатстве, понимая, что такое, в нашем современном несовершенном мире случается настолько редко, что, можно сказать, вообще не случается. Так зачем себя обманывать и только портить нервную систему?.. Что будет с Клиффордом Спенсером через неделю?! Не выбросится ли он из окна, поняв в одно прекрасное утро, что его жизнь потеряла всякий смысл? Нищим, он был свободен. Он не зависел от денег; он не был рабом этих денег... Он был по-своему счастлив... И вот я спрашиваю вас, господин нотариус, что вам мешало, делать свою работу, но иметь клиентами нас и только нас, семью Макмиландов, выведя из игры оборванца, по имени Клиффорд Спенсер, и в результате получить щедрое вознаграждение?

НОТАРИУС. Должен признаться, мисс Одри, я тронут вашей речью. Вы столь ярко озвучили ваш вопрос, что если бы я вас не знал, то подумал бы, что вы провели в нищете, как минимум половину своей жизни, настолько убедительными были ваши примеры. Относительно же того, что мне мешало плюнуть на Клиффорда Спенсера и в одностороннем порядке перейти на вашу сторону, на сторону семьи Макмиландов, отвечаю прямо и откровенно: профессионализм. Плюс тот кусочек порядочности, который я когда-то давным-давно впитал с молоком матери. Надеюсь, по этому вопросу недопонимания больше ни у кого из вас нет.

ТОНИ. Недопонимания нет, есть конкретное предложение; вернее, конкретный вопрос: сколько вы хотите, чтобы изменить завещание?

НОТАРИУС (удивленно). В каком смысле, изменить?

ТОНИ. Господи! Уничтожить это и составить другое. Подделка подчерк Джонатана Макмиланда – раз плюнуть. Вам только останется заверить документ нотариально.

ДЖУЛИЯ. Тони, скажи, что ты пошутил. Предлагать подобное, уму непостижимо! Мистер Цимерман, не слушайте его! Он сам не понимает, что говорит!

ОДРИ. Все он прекрасно понимает, мама. И если хочешь знать, я с ним согласна. Разве у нас есть другой выход? Посмотрите на нас, мистер Цимерман! Этим завещанием мы просто загнаны в тупик! Мы как раненые звери, у которых инстинкт самосохранения преобладает над всеми остальными чувствами. Чтобы выжить, мы готовы на всё. И это нормальная человеческая реакция. Ведь человек, это тот же самый зверь, только чуть-чуть более цивилизованный. Он не загрызает свою жертву зубами и не раздирает ее когтями, ему достаточно просто разорить ее, лишить всех средств к существованию, и тогда жертва сама полезет в петлю. Перед вами, мистер Цимерман, пропащая семья Макмиландов – жертва

сегодняшнего дня; так что же удивительного в том, что мы пытаемся любым способом выжить? И способ видится лишь один. Тони вам его только что озвучил.

НОТАРИУС. Позвольте в очередной раз, мисс Одри, отметить в ваших словах довольно таки интересные обороты. Но вернемся на землю. Итак, вы предлагаете мне подделать завещание.

ТОНИ (очень решительно). Да, подделать! Что тут ходить, вокруг да около! Сколько вы хотите за это? Называйте любую сумму, нам терять все равно нечего.

НОТАРИУС. То есть, вы не спрашиваете меня, согласен ли я, вы сразу задаете вопрос, сколько я за это запрашу.

ТОНИ. А что тут рассусоливать?! У нас нет времени уговаривать вас. Пока это чучело находится в ванной, мы вполне можем решить этот вопрос. Скажите только два слова: «Я согласен», и к своему домику на берегу океана вы прибавите великолепный автомобиль, шикарную яхту, и еще много чего интересного, вплоть до компактного четырехместного самолета.

НОТАРИУС (явно с иронией). Боюсь, четырехместный будет маловат. Семьи у меня нет, зато у меня много друзей. Мы привыкли выбираться на пикник большой компанией. Так что такой маленький самолетик нам никак не подойдет.

ТОНИ. Давайте шутки оставим на потом. Сейчас вы должны дать свое согласие. Бог с ним! Поднатужимся, максимально увеличим ваш гонорар, купите авиалайнер, в конце концов! Ну что, по рукам?

НОТАРИУС (почесывая в затылке). Да-а, знала б моя покойная жена, какие финансовые перспективы ожидают скромного нотариуса Алана Цимермана, может не ушла бы из жизни так рано. Как она мечтала о домике на берегу океана, о яхте!.. Да-а... Так вы предлагаете еще и авиалайнер? Очень заманчиво!

ТОНИ. Да, мы предлагаем вам еще и авиалайнер! Дадите вы, наконец, свое согласие?!

НОТАРИУС. Вы действительно, молодой человек, рассчитывали, что я соглашусь на ваше предложение? Вы, оказывается, еще глупее, чем сказано в письме мистера Джонатана.

ТОНИ (возмущенно). Я бы попросил!..

ОДРИ. Очевидно, я тоже невероятно глупа, потому что хочу спросить: что, собственно, вас смущает в предложении Тони? Юридическая сторона вопроса, моральная, или что-то другое?

НОТАРИУС. Меня смущает, что вы вообще обратились ко мне с таким нелепым предложением. Как вы могли подумать, что я способен согласиться на подобную авантюру?! Вы оскорбили меня не только, как юриста, как профессионала, вы оскорбили меня, как человека.

ОДРИ. Ах, скажите, пожалуйста! Мы вас оскорбили!.. А вознаграждение за нотариальные услуги, чтобы хватило на домик у океана, это как? Это не оскорбляет вас? Насколько мне помнится, вы с охотой готовы были принять от нас эту благодарность!

НОТАРИУС. Да, эту благодарность я принял бы от вас с большой охотой. Ведь в этом случае все было бы по закону. Мне ненужно было бы подделывать завещание, а вам ненужно было бы меня на это уговаривать. А на данный момент у нас совсем другая ситуация. На данный момент...

ОДРИ. На данный момент мы находимся на краю пропасти, мистер Цимерман! И чтобы не упасть в эту пропасть, мы просим вас протянуть нам руку помощи! Даже не просим, умоляем! Иначе... я покончу с собой!..

ДЖУЛИЯ (всплеснув руками). Господи, Одри, девочка моя, не говори так больше никогда! Разве можно так шутить?!

ОДРИ. А откуда ты взяла, мама, что я шучу? Лучше уж сразу наложить на себя руки, пока я еще в этом доме, чистая, опрятная, и пока меня еще можно по-человечески похоронить, чем окочуриться где-то через неделю, от холода и голода, на какой-то помойке, и бродячие собаки будут обгладывать мои кости.

ДЖУЛИЯ (хватаясь за сердце). Святая Мадонна, я просто не в силах это слышать! Где сердечные капли?! Магда!.. Магда!..

ТОНИ. Успокойся, мама. Во-первых, Магда сейчас занята, она пытается отмыть Клиффорда Спенсера, а это нелегкая задача; а во-вторых, не принимай так близко к сердцу

слова Одри. Ты ведь прекрасно знаешь, на что она способна. И еще лучше знаешь, на что она неспособна. Да сама посуди, она – и самоубийство; это же бред!

ОДРИ. Что ж я, по-твоему, и покончить с собой неспособна?!

ТОНИ. Конечно, нет.

ОДРИ (стараясь выдать театрализованное представление за реальную решительность). Ах, так! Ну, ладно!... Сейчас вы увидите!.. (лихорадочно оглядывается вокруг, как бы что-то ищет). Дайте мне нож, я воткну его себе в сердце!.. Или, нет... я вскрою себе вены!..

ТОНИ (с иронией). Увы, сестренка, кухонными ножами заведует Магда, но она сейчас занята важным делом; а те ножи, которые можно найти здесь, в гостиной, так они предназначены сугубо для десерта; ими не то что вены, жареный бифштекс из кафе напротив не разрежешь. Я там, как-то, позавтракал; одну отбивную часа полтора жевал.

ОДРИ. Ну, тогда я выброшусь из окна!

Она подбегает к окну и вскакивает на подоконник.

В это время в гостиной появляется Магда.

МАГДА. Миссис Макмиланд, там мистер Спенсер спрашивает, удобно ли будет, если он постирает свои вещи. Я нашла ему кое-что из гардероба мистера Джонатана, но он не хочет расставаться со своим тряпьем, и желает забрать его потом, как только оно высохнет (замечает взобравшуюся на подоконник Одри). Осторожнее, мисс Одри, так недолго и вывалиться! Что это вам вдруг взбрело взобраться на подоконник?

ТОНИ. Да вот, нашей Одри надоело жить, и она решила сигануть в окно и отправиться на тот свет. Там, говорит, ее уже ждут. Устроили в ее честь бал безмозглых куриц, где ей отвели самое почетное место, и она не хочет опоздать.

МАГДА. А, понятно, у вас тут какая-то игра. И все же, мисс Одри, поосторожнее. А то мистер Спенсер, когда наведался сюда первый раз, случайно вывалился, и потом полквартиры хромал.

ТОНИ. Слышишь, Одри! Максимум, чего ты добьешься, выпрыгнув с этого окна, так это отобьешь себе одно место. А затем неделю будешь делать компрессы.

МАГДА. Да, мисс Одри, ваш брат прав; удовольствия от полета две-три секунды, а проблему со здоровьем потом можно решать долго.

ОДРИ. Да ну вас к черту! (демонстративно спрыгивает с подоконника) Даже из окна спокойно выпрыгнуть не дадут!

МАГДА. Да, так что мне сказать мистеру Спенсеру, миссис Макмиланд?

ДЖУЛИЯ (растеряно). Мистеру Спенсеру?.. Ты о чем?.. А, по поводу стирки? Конечно он может постирать. Хотя, знаешь что, Магда, ты сама ему постирай. Надеюсь, тебя это не затруднит?

МАГДА. Да нет, только... уж слишком грязная у него одежда!

ДЖУЛИЯ. И тем не менее, я прошу тебя.

МАГДА. Хорошо, миссис Макмиланд, я постираю.

ДЖУЛИЯ. Вот и прекрасно. Ступай. И если мистеру Спенсеру еще что-то понадобится, ты уж, пожалуйста, обеспечь его.

Магда уходит.

ТОНИ. Браво, мама! А ты быстро сообразила!

ДЖУЛИЯ. Ты это о чем, Тони?

ТОНИ. Да ладно, не притворяйся. Расчет верный. Показать этому бродяге, какие мы добрые и порядочные люди, какие мы заботливые по отношению даже к такому оборванцу, как он; глядишь, и этот Спенсер расчувствуется и отстегнет нам какие-то крохи от наследства. А может, чем черт не шутит, и дом нам оставит.

ОДРИ. Как же, размечтался! Надо быть последним идиотом, чтобы отказаться от такого дома! А насчет отстегнуть какие-то крохи от наследства, так вот как раз крохи он нам и бросит, в качестве пособия для нищих. Аккурат хватит, чтобы приобрести пару палаток и по спальному мешку. Будет хоть где укрыться от холода и дождя, когда окажемся на улице.

ДЖУЛИЯ. Я совсем не имела никаких корыстных мыслей, когда просила Магду помочь мистеру Спенсеру.

ТОНИ. Хорошо, мама, не имела, пусть так. Но согласись, что это стоит того, чтобы об этом подумать. Ты же ведь не хочешь, чтобы мы действительно перебрались жить из нашего, пока еще, дома в палатки и спальные мешки? Посмотри на Одри, разве она выдержит такое?!

ДЖУЛИЯ. Не знаю, что и сказать. Думаю, какие бы выводы мы сейчас не делали, ни к чему конкретному они не приведут, пока мы не увидим, как отреагирует Клиффорд Спенсер на статус наследника Джонатана Макмиланда.

ТОНИ. В принципе, я согласен с тобой, мама.

ОДРИ. Но все равно, быть готовым к самому плохому нам не помешает.

ДЖУЛИЯ. По-моему, мы так себя уже завели, что готовы к любому повороту событий.

НОТАРИУС. С вашего разрешения, хочу присоединиться к этой здоровой мысли. Давайте наберемся терпения и чуть-чуть подождем. Вот появится сейчас Клиффорд Спенсер, ознакомится с завещанием, и тогда мы увидим, что вам следует ожидать, как в ближайшем будущем, так и вообще.

ОДРИ. А так же, чего следует ожидать и вам, мистер Цимерман; или, точнее, чего не следует ожидать. Я имею в виду хорошее вознаграждение.

НОТАРИУС. Да, и это тоже. Впрочем, хочу уверить вас, что в случае разочарования, я с ним как-нибудь справлюсь.

ДЖУЛИЯ. Уверена, мы тоже справимся. Правда, дети?

ТОНИ. А куда мы денемся! Придется справляться. Во всяком случае, кончать жизнь самоубийством я не собираюсь.

ОДРИ. Если ты намекаешь на меня, то я пока что этот вариант отложила. В конце концов, это можно сделать в любую минуту.

ДЖУЛИЯ. Одри, ты опять?!

ТОНИ. Не волнуйся, мама, разве ты не видишь, что она просто болтает.

ДЖУЛИЯ. Болтать то болтает, но ведь достаточно всего лишь мгновения, секундного помутнения, и уже ничего нельзя будет сделать! Одри, пообещай мне, что ты прекратишь даже думать об этом!

ТОНИ. Она обещает. Верно, сестренка? Или, клянусь наследством Джонатана Макмиланда, я выпорю тебя прямо сейчас!

ОДРИ (иронично). Ох, как страшно! Тебе как удобней, чтобы я легла, или предпочитаешь пороть мой шикарный зад прямо так?

ДЖУЛИЯ. Одри!..

ОДРИ. Ладно, мама, больше не буду. И даю тебе обещание, что о смерти даже думать перестану. Ты довольна? Тем более что я вспомнила о Гарри.

ДЖУЛИЯ. О каком еще Гарри?

ТОНИ. О Гарри Трэнтоне. Разве ты забыла, мама? Несколько месяцев назад он имел глупость попросить у Одри ее руки.

ДЖУЛИЯ. А, да, помню! Но ведь ты же отказала ему, Одри! Или я что-то путаю?

ОДРИ. Нет, мама, не путаешь. Тогда я ему отказала... А сейчас...

ТОНИ. А сейчас, это как спасательный круг. Только торопись, сестренка, пока Гарри не успел узнать, что берет в жены совсем не ту богатую Одри Макмиланд, в которую он когда-то без памяти влюбился, а голую и босую, нищую девчонку, у которой просто нет другого выхода, как выйти замуж за первого встречного.

ОДРИ. Гарри не первый встречный. Он меня любит, и у него, между прочим, есть яхта и прекрасная квартира в престижном районе.

ТОНИ. Главное, чтобы его сердце, на данный момент, было свободно. Вдруг у него уже новое увлечение.

ОДРИ. Даже если он и завел себе кого-то, я вмиг верну его обратно к себе. Да стоит мне только глазом моргнуть, и Гарри тут же приползет ко мне на коленях.

Тут в гостиную заходит Клиффорд Спенсер. Его трудно узнать. Он чист, гладко выбрит, причесан. Одежда на нем немного не по росту, чуть-чуть великовата, особенно пиджак.

КЛИФФОРД. Простите, можно? Я не помешал?

НОТАРИУС. Отнюдь, мистер Спенсер, мы вас с нетерпением ждем. Вы, я вижу, привели себя в порядок, и теперь вас трудно узнать.

КЛИФФОРД (улыбаясь). И тем не менее, это еще я, Клиффорд Спенсер. Немного непривычно себя чувствую, давно, знаете ли, не мылся, однако чертовски приятно. Спасибо вам. Я так понимаю, что у вас ко мне есть какой-то разговор. И судя по тому, как вы меня принимаете, разговор довольно важный.

НОТАРИУС. Очень важный. Настолько важный, что в корне может изменить всю вашу жизнь.

КЛИФФОРД. А вы уверены, что я хочу менять свою жизнь? Она меня вполне устраивает.

ОДРИ (закатывается звонким смехом). Ха-ха-ха! Ну, умора! Давно меня никто так не веселил!

НОТАРИУС. Клиффорд, давайте начнем с того, что я представлю вам всех присутствующих здесь.

КЛИФФОРД. Буду рад познакомиться. Хотя, мне как-то неловко. Я чувствую себя какой-то важной персоной на торжественном приеме.

НОТАРИУС. Не подумайте ничего такого, мистер Спенсер. Просто все, кого вы сейчас здесь видите, знают, кто вы такой, в отличие от вас, который, кроме меня, да и то поверхностно, больше ни с кем из присутствующих не знаком.

КЛИФФОРД. Ваша правда.

НОТАРИУС. Разрешите представить вам хозяйку этого дома миссис Джулию Макмиланд.

КЛИФФОРД (чуть кланяясь). Очень приятно.

НОТАРИУС. Мисс Одри Макмиланд. А так же мистер Тони Макмиланд. Как вы, наверное, уже догадались, это мама и ее дети.

КЛИФФОРД. Рад со всеми вами познакомиться.

НОТАРИУС. А теперь я бы попросил всех сесть за стол.

Все устраиваются за большим круглым столом.

НОТАРИУС (открывает папку, достает завещание и протягивает Клиффорду). Вот, прошу, прочтите.

КЛИФФОРД (быстро прочитав документ, какое-то время сидит в раздумье; остальные, молча, ждут его реакции). Интересная бумажка... А Джонатан Макмиланд, стало быть, мой отец?

НОТАРИУС. Да. Он не успел с вами увидеться. Он собирался, но... внезапно скончался. Сердечный приступ. У меня еще есть для вас одна интересная бумажка (достает письмо). Здесь вы найдете ответы на остальные вопросы, которые, возможно, у вас возникли после ознакомления с завещанием.

КЛИФФОРД (прочитав письмо, так же некоторое время пребывает в раздумье). Да, теперь все более-менее понятно... Значит, отныне я богат?

НОТАРИУС. Очень богат.

КЛИФФОРД (явно взволнованный). У вас водички не найдется? Что-то душно стало...

ДЖУЛИЯ. Да-да, конечно! Я сейчас позову Магду.

КЛИФФОРД (вмиг оправившись, кивает головой). Нет-нет, спасибо; мне уже лучше.

ОДРИ. Может, желаете чего-нибудь покрепче? В нашем баре... ой, простите, запаматовала, уже в вашем баре... довольно таки приличный выбор.

КЛИФФОРД. Благодарю, что-то не хочется... Вы сказали, мой бар?.. Это что же, и этот дом теперь мой?!

НОТАРИУС. Да, этот дом теперь ваш. И, кстати, температура у меня, сейчас, очень даже нормальная. Это я так, на всякий случай.

КЛИФФОРД. А можно узнать: что конкретно входит в наследство?

НОТАРИУС. Много чего. Фабрика, автомастерская, косметический салон, ресторан, алмазный прииск... Плюс, впечатляющая сумма на банковском счету. Полную информацию я предоставлю вам чуть позже, когда вы официально вступите в права наследства.

КЛИФФОРД. А что для этого надо?

НОТАРИУС. Сущие пустяки. Поставить несколько подписей на документах, которые я подготовил к завтрашнему дню. Утром, у меня в офисе, все и оформим.

ОДРИ. Значит, сегодня мы еще пока богаты! И этот дом до завтрашнего утра все еще принадлежит нам. В таком случае, устроим грандиозную вечеринку, чтобы было, что вспомнить даже через двадцать лет. Прощальный бал семьи Макмиландов!

ТОНИ. Что же это за грандиозная вечеринка такая, которая запоминается?! Уж если прощаться с богатым прошлым, так прощаться по богатому; так, чтобы на утро ты даже имени своего не смог вспомнить! Тем более что имя мое, как таковое, наверное, больше мне и не пригодится. Я получу какую-нибудь кличку, и буду гордо называться, скажем, «Грязные ноги» или «Длинный язык».

ОДРИ. Вот на счет длинного языка, ты в самую точку попал.

КЛИФФОРД. Простите, а что будет со всеми вами? Вам есть, куда перебраться?

НОТАРИУС. Понимаете ли, мистер Спенсер, тут вот какое дело.

ОДРИ. Ну конечно же нам есть куда перебраться! Тут недалеко очень живописное местечко. Когда-то это был парк. Но потом он пришел в запустение, и с тех пор им никто так и не занимался. Тем не менее, вид он еще имеет более-менее приличный, как для размещения там не только на ночлег, но и вообще жить. Кстати, и озеро имеется, так что проблема с гигиеной тоже не стоит. Я, как-то, заглядывала туда. Там обосновалось несколько счастливчиков, но, я думаю, они не будут против, если мы их немножко потесним.

КЛИФФОРД. Насколько я понял, жилья у вас, кроме этого дома, больше нет.

ТОНИ. Вы удивительно догадливы, мистер Спенсер. Однако позвольте поинтересоваться, где вы сами-то жили до сегодняшнего дня?

КЛИФФОРД. Последние два года я живу в заброшенной шахте, что на окраине города.

ОДРИ. И как вам там?

КЛИФФОРД. Вполне нормально. Я бы даже сказал, комфортно. Конечно, не так шикарно, как здесь, у вас, тем не менее, я доволен.

ТОНИ. Вот видишь, сестренка, нам есть куда переезжать. Заброшенная шахта! Это тебе не какой-то там средневековый замок, это шахта – гордость нации; пусть и заброшенная. Да мы там будем жить, как короли! Надеюсь, мистер Спенсер, вы не будете возражать, если мы займем ваше бывшее пристанище?

ОДРИ. Ты слишком торопишься, братец. Шахта имени Клиффорда Спенсера пока еще является действующим пристанищем Клиффорда Спенсера. И будет она таковой, как минимум до завтрашнего утра. Так что вот завтра и начнем поднимать этот вопрос. А пока что еще рано. Обсуждать заранее подобную тему – плохая примета.

КЛИФФОРД. Шахта имени Клиффорда Спенсера?

ОДРИ. А что, по-моему, здорово! Только представьте себе. Лет, этак, через пятьдесят, когда эту заброшенную шахту восстановят, и она вновь будет действующей, у входа, на красивой мраморной табличке будет красоваться скромная надпись: «Здесь, с такого-то по такой-то год, жил самый богатый человек нашего города, великий гражданин современности Клиффорд Спенсер». Разумеется, что в таком случае и шахту назвать именем Клиффорда Спенсера было бы самым естественным.

КЛИФФОРД. Благодарю. Я польщен. У вас поразительная фантазия! Только впредь, советую вам в дальнейшем не растрачивать ее на таких незначительных и малоинтересных личностей, как ваш покорный слуга.

ДЖУЛИЯ. Скажите, Клиффорд, у вас есть кто-то из родных?

КЛИФФОРД. Если и есть, то мне это неизвестно. Мама моя умерла очень давно, мне тогда и пяти лет не было, поэтому я ее почти не помню. Одно время я заболел желанием найти отца, занялся поисками, но очень скоро понял, что это бесполезно. У меня не было практически никаких данных, даже самых поверхностных. И поэтому я в значительной мере удивлен, что Джонатан Макмиланд, являющийся моим отцом, однако, как я полагаю, ни разу

не видевший меня, смог отыскать мой след... Мистер Цимерман, а вы уверены, что я действительно его сын?

НОТАРИУС (под вперившимися в него пристальными взглядами всех членов семьи Макмиландов, тем не менее, не оробел). В этом я уверен абсолютно. Я лично сам все проверил. Если бы у меня были, хоть какие-то сомнения относительно вашего родства с Джонатаном Макмиландом, я бы сейчас не сидел перед вами.

КЛИФФОРД. Что ж, наверно это должно окончательно меня убедить. Подумать только, у меня появился отец!.. Вернее, я хотел сказать, что наконец-то я узнал, кто мой отец. Жаль, что мы так и не встретились...

ДЖУЛИЯ. Уверена, вы бы ему понравились.

КЛИФФОРД. Интересно узнать, что он за человек был.

ДЖУЛИЯ. Добрейшей души был человек!

ОДРИ (с сарказмом). О, да! А какой справедливый!

ДЖУЛИЯ. Чтобы кого-то обидеть – никогда!

ТОНИ. Да, особенно тех, с кем он прожил не один десяток лет!

НОТАРИУС. Со временем, Клиффорд, вы во всех подробностях сможете узнать, каким на самом деле был Джонатан Макмиланд. В данный же момент я думаю лучше эту тему не затрагивать. Сами понимаете...

КЛИФФОРД. Прекрасно понимаю. Судя по всему, вы должны быть обо мне не очень хорошего мнения.

ДЖУЛИЯ. Ну что вы, мистер Спенсер! Уверю вас, вы ошибаетесь.

КЛИФФОРД. Я понимаю, что вы стараетесь скрыть это, однако... позвольте вам не поверить. Вероятно мне бы тоже, будь я на вашем месте, было бы трудно относиться с уважением к тому, по чьей вине я лишаясь практически всего.

ОДРИ. Да неужели?! Вы так самокритичны, мистер Спенсер, что, право, я сейчас расплачусь!

ДЖУЛИЯ. Перестань, Одри. Разве мистер Спенсер виноват, что все так произошло? Если и винить кого-то, то только меня.

ОДРИ. Ну вот теперь твоя очередь, Тони, пустить слезу и в чем-нибудь повиниться. Будем все обвинять самих себя, и в итоге... каждый останется при своих интересах. Мистер Спенсер уже завтра унаследует все состояние Джонатана Макмиланда, а сами Макмиланды пойдут по миру. Ну что же вы молчите, господин наследник?! Скажите, что вам жаль; что если бы вы могли, то воскресили бы Джонатана Макмиланда и убедили его, что он поступил неправильно; что будь ваша воля, вы бы...

ТОНИ. Почему, вдруг, остановилась, сестренка? Неужели запас фантазии иссяк? Это у тебя-то!..

ОДРИ. Да, иссяк! Что попусту сотрясать воздух! Все равно все это бессмысленно! Все эти разговоры, притворство, думать одно, а говорить совсем другое... Противно!..

ТОНИ. Очень впечатлительно! Еще немного, и я поверю, что все это вполне искренне... А вы, мистер Спенсер, как считаете, искренна наша Одри?

КЛИФФОРД. Надеюсь.

ТОНИ. И вы с ней согласны?

КЛИФФОРД. Смотря, в чем.

ТОНИ. Например, что вам жаль, что если бы вы могли, то воскресили бы Джонатана Макмиланда и убедили его, что он поступил, как настоящая свинья; что будь ваша воля, вы бы... А вот здесь я бы хотел послушать продолжение.

КЛИФФОРД. Извольте. Мисс Одри скорее всего пытается сказать, что не будь, мол, моя воля, а будь у меня воля...

ТОНИ. Пусть так. И что тогда?

КЛИФФОРД. Что будь у меня воля, я поделился бы с вами наследством. Поделится бы по справедливости, то есть, всем поровну.

ОДРИ. А что, разве это несправедливо?

КЛИФФОРД. По отношению к кому, к вам, которые прожили с Джонатаном Макмиландом не один десяток лет, и что это дает вам полное право на наследство, или по отношению к Джонатану Макмиланду, который прожил с вами не один десяток лет и в итоге распорядился своим имуществом так, как посчитал нужным? Отдать наследство вам, значит

проявить неуважение к последней воле мистера Макмиланда, оскорбить его прах. Как-никак, а он является моим отцом, и кто знает, какими эпитетами он наградит меня, взирая с небес, как я отдаю то, что он оставил мне. А уж тем более, если он увидит, что я оставил наследство вам, то не исключено, что и на том свете его хватит сердечный приступ. Очевидно, вы его за всю жизнь порядочно достали, раз он не захотел оставить вам хоть что-то.

ОДРИ. Мистер Спенсер, должна вам заметить, что вы унаследуете имущество Джонатана Макмиланда, а не саму семью Макмиландов, поэтому придержите свой язык в плане оскорблений на наш счет.

КЛИФФОРД. Простите. Меньше всего я хотел вас обидеть.

ДЖУЛИЯ. Да нет, Клиффорд, вы совершенно правы.

ОДРИ. Мама!

ДЖУЛИЯ. Ты и сама это понимаешь, Одри.

ОДРИ. Понимаю я только одно: мистер Спенсер дает нам понять, чтобы мы не рассчитывали на какое бы то ни было понимание с его стороны. Он дал понять, что нам причитается ровно столько, сколько сказано в завещании, то есть, абсолютно ничего. Мистер Спенсер дал нам отчетливо понять, что отныне наше место – на улице, и что любезен он сейчас с нами только потому, что официально еще не владеет сокровищами Джонатана Макмиланда. Завтра, после подписания соответствующих бумаг, мы увидим совсем другого Клиффорда Спенсера. Внешне он еще будет походить на сегодняшнего, но внутренне это будет уже совершенно другой человек.

КЛИФФОРД (улыбаясь). Как вы красочно меня описали! Практически даже и добавить нечего. Значит, сейчас я белый, пушистый, такой весь из себя положительный, а завтра трансформируюсь в монстра. Очень интересно! Интересно и заманчиво, черт побери! Далеко не каждый может позволить себе такую роскошь, как держать в одном теле ангела и демона. Я бы с удовольствием пообщался с вами, Одри. Не сомневаюсь, это доставило бы мне истинное наслаждение. Вы удивительным образом напоминаете мне одну очень славную девушку, которую я... к которой я... как бы сказать... Одним словом, которая мне безразлична.

ТОНИ. Что я слышу! Вы влюблены?!

ДЖУЛИЯ. Тони, ты так реагируешь, будто это что-то невероятное! Стыдись!..

ТОНИ (иронично). Стыжусь, мама. Видишь, я смущен, словно школьник, получивший плохую оценку.

ДЖУЛИЯ. Со своей же стороны хочу сказать, что очень рада за вас, Клиффорд. Надеюсь, эта девушка отвечает вам взаимностью.

ОДРИ. Любопытно было бы посмотреть на нее. Моя фантазия здесь просто отдыхает! Пытаюсь представить себе особу женского пола, достойную вас, мистер Спенсер, и ничего не получается. Я имею в виду не нынешний ваш облик, а тот, в котором вы находились, как только предстали перед нашими глазами.

ТОНИ. Что-то с твоей памятью совсем не то, сестренка! Буквально только что все мы слышали, как мистер Спенсер сравнил эту самую особу женского пола с тобой, моя дорогая. Тебе достаточно лишь взглянуть в зеркало, и ты увидишь то, что не в состоянии мысленно изобразить твоя фантазия.

КЛИФФОРД. Ее зовут Элис. Она работает курьером по доставке пиццы. Мы познакомились, когда она на полных парах неслась на велосипеде, стараясь вовремя доставить пиццу клиенту. Я в это время шел по своим делам, немножко задумавшись, и поэтому, не особенно смотря по сторонам. Элис вылетела из-за угла, и тут мы встретились... Результатом этой счастливой встречи оказались два моих сломанных ребра, в комплекте с вывихнутой ногой, ушибленной головой и серьезным повреждением велосипеда. Элис же отделалась легким испугом, а я вынужден был провести две недели на больничной койке. Пиццу, кстати, за наше здоровье, с удовольствием уплела одна местная дворняга, оказавшаяся на месте происшествия.

Эти две недели в больнице показались мне райским наваждением. Элис буквально не отходила от меня... Впрочем, нет, это я немножко преувеличиваю. Просто мне хотелось бы, чтобы так было... Она действительно навещала меня почти каждый день. Бедняжка испугалась, не сильно ли я пострадал, и не останусь ли калекой. Когда же врачи успокоили ее, сказав, что, в сущности, ничего серьезного со мной нет, и что я в скором времени снова

буду, как огурчик, она, хоть и реже, тем не менее, навещала в больницу. Встретить меня, при выписке из больницы, она не пришла, и от этого мне стало невыносимо грустно. Признаться, на тот момент я уже полностью был ею околдован. Проведя в сомнениях несколько дней, я, наконец-то, решил найти ее и объясниться. Разыскать девушку на велосипеде, развозящую пиццу, оказалось не так сложно, как я себе представлял.

Мы сидели на берегу озера и любовались закатом. Я говорил, а она молчала. Слушала, и молчала. Я сказал все, что хотел ей сказать, а она, не произнеся ни слова, так же молча, поднялась и ушла, лишь наградив меня прощальным взглядом, в котором я уловил что-то такое, от чего мое сердце учащенно забилося. Я боялся, что мне это только показалось, но спустя совсем немного времени Элис сама меня нашла. Она приняла меня таким, какой я есть.

Я начал следить за собой, за своим внешним видом. Мы встречались, нам было хорошо вместе.

Но как-то она исчезла... Сначала я не особенно волновался, но прошла неделя, другая, а Элис все не появлялась. Я подумал, что надоел ей и что она больше не появится; что я больше не увижу ее. От этих мыслей на меня напала такая тоска, что за короткое время я опустился до прежнего своего состояния; приблизительно до такого, в каком вы меня уже видели.

Но в одно прекрасное утро, другая мысль посетила меня. Почему бы не найти Элис и просто спросить у нее, что, собственно, произошло. Пусть скажет мне прямо в глаза. Во всяком случае, так будет честно, и, главное, появится определенность.

Но оказалось, что она исчезла не только с моего горизонта, но и с горизонта тех, кто ее знал. И тогда я встревожился уже всерьез.

Элис имела привычку, иногда куда-нибудь уезжать, не сказав никому ни слова, и уезжать на довольно таки длительное время, поэтому никто из ее знакомых и близких не обратил на ее отсутствие особого внимания; ну любила Элис неожиданно сорваться с места и укатить куда-нибудь в горы с туристической группой, или слетать на море, отдохнуть, расслабиться, привести в порядок свои мысли... Но я-то знал, что она не могла исчезнуть просто так, не сказав мне об этом; и поэтому в отличие от ее родных и близких я почувствовал, что с ней произошло что-то нехорошее.

Каким-то образом мне все же посчастливилось найти того, кто знал, где в данный момент находится Элис. Это оказалась ее лучшая подруга, единственная, с которой она держала связь. Всеми правдами и неправдами мне удалось вывести у нее правду.

Получилось так, что Элис попала в очень неприятную криминальную историю. Попала совершенно случайно, сама того не желая. В итоге, она очутилась в полиции.

Дело нарисовалось настолько запутанное, что для того, чтобы выяснить, кто в этой истории невиновен, понадобилось время.

Элис не сообщила в полиции своего имени. Пребывая в смятении и полной растерянности, она не хотела, чтобы кто-то узнал о ее приключении. Она рассчитывала, что очень скоро все выяснится и ее отпустят; и только со своей подругой, как я уже сказал, она контактировала.

Узнав, где находится Элис, я тут же бросился в полицию, требуя предоставить мне встречу с ней. Очевидно, я слишком был возбужден, так как, не сдержавшись, после того, как мне было отказано, - ибо, кто я, в принципе, такой? – мои кулаки принялись крушить все, что попадалось на пути, включая, так же, и челюсти полицейских.

Меня, естественно, арестовали. Светило мне несколько месяцев тюрьмы, однако мистер Цимерман, как вы знаете, вытащил меня.

Что касается Элис, то с ней тоже все в порядке. Разобрались, извинились, и завтра я ее уже увижу; она выходит из тюремного госпиталя. Ничего страшного, просто простудилась, сидя в сырой камере.

Вот, в общем-то, и всё...

Теперь, что касается завещания. Я тут наговорил всякой ерунды, не обращайтесь внимания. Если я получу это наследство, то потеряю Элис. Вам может показаться это странным, но она не сможет быть со мной, согласись я унаследовать богатство Джонатана Макмиланда. Уж я-то ее знаю! И еще я знаю себя. Получив наследство, я стану совсем другим человеком. И этому «другому» вряд ли найдется место в сердце Элис. Да и мне,

честно говоря, этот «другой», что-то не внушает доверия. А посему, мистер Цимерман, не ждите меня завтра в своем офисе. И чтобы поставить окончательную точку в этом деле, хочу добавить: мой отец, Джонатан Макмиланд, без сомнения одобрил бы эти мои действия. Уверен, на моем месте он поступил бы точно так же. Ведь он – мой отец, а значит такой же, как я; а я такой же, как он. Все очень просто. А если бы кто-то из нас двоих думал по-другому, а, следовательно, и действовал бы по-другому, то это значило бы, что один из нас никоим образом не является отцом, а другой, соответственно, сыном.

А сейчас, разрешите откланяться. Прощайте! Не поминайте лихом!..

Клиффорд покидает гостиную. Пауза длится ровно столько, сколько необходимо присутствующим, чтобы переварить услышанное.

ОДРИ. А что это только что было?..

ТОНИ. По-моему, наследство остается нам.

ДЖУЛИЯ. Как-то все это не совсем реально. Разве такое может быть?!

ТОНИ. Господин нотариус, что вы скажете по поводу данного эпизода?

НОТАРИУС. Пока что ничего сказать по этому поводу не могу. Клиффорд Спенсер вполне может передумать и завтра явиться в офис для оформления наследства. Хотя я склонен думать, что прозвучавший из уст нашего друга монолог по-настоящему искренний.

ОДРИ. Как же, искренний! Да он просто посмеялся над нами. Вот увидите, мистер Цимерман, завтра этот друг будет в вашем офисе, как штык!

Заходит Магда.

МАГДА. Тут мистер Спенсер, уходя, что-то набросал на скорую руку и попросил передать вам (протягивает нотариусу сложенный вдвое листок бумаги).

НОТАРИУС (берет листок, разворачивает и вслух читает): «Я, Клиффорд Спенсер, в здравом уме и твердой памяти, довожу до вашего сведения, что полностью отказываюсь от наследства Джонатана Макмиланда. Число... Подпись...»

Лица присутствующих загораются, словно лампочки на рождественской елке.

НОТАРИУС. Да-а... Интересно, существует ли где-нибудь памятник настоящей любви? Если нет, то не мешало бы его воздвигнуть.

Занавес.